

Недостающее звено

Автор:

Валерий Горелов

Недостающее звено

Валерий Горелов

Талантливый юный боксер из крошечного городка на севере Сахалина хочет другой жизни. Нефтяной промысел, грязная речка, общая баня с паром из трубы, пивнушка, болезни и голод – вот, что окружает его. Он находит поддержку в людях вокруг: добрых библиотекарях, любимом тренере, соратниках по боксерскому ремеслу. Однако не все хотят, чтобы он смог исполнить свою мечту. Козни, интриги и даже нападения – сможет ли герой все преодолеть?

Содержит нецензурную брань.

Валерий Горелов

Недостающее звено

Часть I. Ужимки справедливости

Сэн Катаяма (26.12.1859–5.11.1933) родился в деревне Хадеги, провинция Мимасака. Умер в городе Москве. Марксистский политический активист, один из первых членов американской коммунистической партии, а в 1922-м году – соучредитель коммунистической партии Японии. Окончил коммунистический университет трудящихся Востока имени И. В. Сталина, учебное заведение Коминтерна, а также Йельскую богословскую школу. Активист мирового

социалистического, а потом и коммунистического сообщества. В период японской нефтяной концессии северного Сахалина (1925–1944), похоже в угоду коммунистическим управителям в Москве, главный культурный центр, построенный японцами на северном Сахалине, был наречен в его честь. Это было в год смерти С. Катаямы. Тело его кремировали, а пепел захоронили в Кремлевской стене на Красной площади. Этот клуб Сэна Катаямы вместе с построенным японским консульством, увенчанным башенкой, были самыми значительными архитектурными постройками, как и выстроенные тут же бараки.

Бараки были с наружной стороны из профильного металлического листа, а внутри покрыты штукатуркой по металлической сетке. Отапливались печами на мазуте. В каждой комнате проживало по четыре-пять человек. Таким образцово-показательным участком был 24-й. И хотя там, как и везде, сортиры были на улице, а отходы выплескивались из ведер прямо с крыльца, бараки концессионных рабочих были на порядок комфортнее и чище, чем те бараки, обитые толью, которые с 17-го участка начал строить трест «Сахалиннефть».

Как служил, образовывал и просвещал в эти былинные годы клуб имени выпускника сталинского университета и богословской школы, можно только предполагать, но его архитектуру, канделябры, вентиляцию и бронзовые светильники и я уже узрел. В 1944-м году концессия была свернута в 24 часа. Японцы должны были быть выселены со всей территории их экономического присутствия. Они за эти сутки успели сбросить в залив огромное количество нефти, заготовленной для вывозки, и кое-что успели испортить и сломать. Но не очень многое из того, чего бы хотелось. Клуб остался целехонький, но как бы уже не мог оставаться под японским, хоть и коммунистическим, именем. Нашли имя, которое соответствовало и местной обстановке, и генеральной линии. И даже вроде с этой инициативой выступили местные партийные органы. Клуб был переименован в «Имени Щербакова Александра Сергеевича» (1901–10.09.1945), Первого секретаря Московского обкома и маршала информационно-идеологического фронта. Тело его было также кремировано, а пепел сохранен в пантеоне Кремлевской стены на Красной площади. С 1945-го года клуб стал зваться «Имени А. С. Щербакова», а с моих детских лет – просто «Клуб Щербакова».

К середине 60-х я там, на удобных концессионных стульях, за десять копеек много чего пересмотрел. Как мне сейчас кажется, и совсем даже не очень идеологически безвредных фильмов, таких как «Сказка о потерянном времени», «Три толстяка», «Королевство кривых зеркал» и даже «Седьмое путешествие

Синдбада». Но для меня, пацана, жившего рядом с клубом на том самом, 17-ом участке, клуб был не только местом зрелищ. Самым важным в нем была библиотека на втором этаже. Она была маленькая и скученная, но главной ее ценностью была библиотекарша – добрая женщина, понимающая свою профессию и явно любящая людей. Я до сих пор ясно помню ее образ, но, к сожалению, боюсь ошибиться в имени. Когда я прочитал все, что там хоть как-то соответствовало возрасту, принялся с ее молчаливого согласия за то, что не соответствовало ему, а это, наверное, начиналось с Т. Драйзера и Флобера, Достоевского и Хемингуэя. Где понимал – радовался, а где блудил – настырно вчитывался. Где-то уже к этому времени Гарсия Маркес написал свои «100 лет одиночества», но, к сожалению, это произведение я прочитал, будучи уже совсем взрослым. И когда читал, вдруг понял для себя, что какой бы ни была идеологическая вывеска, главным в созревании мозга все равно будет библиотекарь, даже если одиночество длится век.

Я сейчас несколько повторяюсь, и я раньше вспоминал эти мотивы, но, чтобы ясно объяснить, нужно начать с начала. А то начало начинается ниоткуда, то есть продолжение всего началось в тех же 60-х, и торжественно построилось к 7 ноября 1967-го года, ко дню победы на поле брани за всеобщее человеческое счастье и равенство. К 50-летию Октябрьской революции перестроили местную архитектуру, дабы приурочить к дате, ввели в строй Дворец культуры, теперь главный очаг служения свету, и еще соответствующий тому времени модный кинотеатр. Это послужило причиной того, что клуб имени Щербакова стал просто не нужен, и его ликвидировали вместе с моей библиотекой. Теперь он тоже будет называться Дворцом, но спорта, да еще на соседнем со мной бугре откроется точка общепита под названием «пивбар «Минутка». На смену толстой книге придет большая и пузатая пивная кружка. А спорт как-то не очень спешил стать неотъемлемой частью жизни застроенных бараками и частными хижинами бугров. Зимой эти бугры наглухо запечатывало снегом, а с весны они заплывали непроходимой грязью, и те дорожки, что вели к спорту, были трудно проходимы.

В этом дворце первоочередным спортом стал бокс, он был с большим местным колоритом, и, по сравнению с масштабами населения этой суровой земли, его было много. Только он был совсем не такой, каким его в 668-м году до нашей эры включили в программу античных Олимпийских игр. И уж точно не такой, каким его придумали как контактный спорт в XVII веке в Англии, и в 1904-м году сделали олимпийской дисциплиной. Как-то так случилось, что в моей земле обетованной бокс стал не спортом и не физкультурой, которая каким-то тайным образом должна оздоравливать. Он стал частью скелета того уродливого социально-бытового тела, частью крепежной арматуры, наравне с пышными

лозунгами, горячими призывами, жандармерией, спиртом и пивбарами. Это произошло задолго до меня, вероятно с первыми переселенцами, где кулаки были веским и, порой, единственным законом и аргументом. Здесь бокс не стремился к победам и званиям, он просто был, как пример заботы о здоровье тела и мозга. Бокс был не английский, но и не советский, он был социализированный. Больше никакой заметной физкультуры не было: кто-то пытался во что-то играть, по-любительски и в полной беспомощности в смысле содержания. А на бокс давали деньги, какой-то отдельной и тайной строкой в бюджете города. Но он как-то развивался в себе самом. Любые соревнования в результате становились вторичными – главное, чтобы были боксеры с крепкими кулаками и бронированными лбами. И такие были.

По прошествии времени я пытался найти логичное объяснение такой заботе о здоровье населения. На ум приходит только одно – в отдаленных каторжных областях после амнистии и так называемой «хрущевской оттепели» скопилось большое количество гулаговских сидельцев разных мастей и окрасов. Они настойчиво стали объединяться по своим правилам и законам лагерного общежития, и активно пошли в наступление не только на улицы. Либерализация уголовного законодательства ставила под угрозу авторитет комсомола, вожди которого к этому времени стали аппаратчиками, но никак не лидерами. В школах и ремеслухах пугающими темпами расцветало больное уличное право. ГТО и БГТО до такой степени накрыли идеологически, что остался только костер патриотического пыла, а сила и ловкость как-то ушли на далекий рубеж. В боксе власти увидели то, что сможет противостоять туберкулезному уголовному братству – улицы должны были чистить для митингов и демонстраций. У города была своя боксерская история, без побед в турнирах и больших званий, но была. Скуластые и лобастые боксеры, если сами и плохо работали на производстве, то активно, параллельно с общественными порицателями, помогали воспитывать тех, кто был на блатной ноге. Они не были штрейкбрехерами, они были воспитателями, и их с удовольствием ставили бригадирами на тяжелых физических работах, а таких в то время хватало. У них, как правило, не было мозгов, а были кулаки, и крови они совсем не боялись. Зато их боялись и жены, и соседи, и родственники, а они, в свою очередь, боялись и уважали власть, чего не скажешь об уголовниках. Нужна была управляемая физическая сила, это была трактовка древнейшей доктрины – разделяй и властвуй.

После непродолжительной либерализации пришло время дегуманизации; уголовников надо было возвращать в лагерь. Любой заточенный гвоздь, отвертка или розочка от бутылки становились причиной реальных посадок. За складной нож в кармане могли запросто насчитать, как, впрочем, и за кухонный,

если он был не на кухне. Здесь чугунные кулаки и бычьи шеи были верными попутчиками социалистического строительства. Где-то был бокс высоких достижений, золотые пьедесталы и почетные звания, но все это было в других частях страны, а тут, в колониально-сырьевых землях, у этого спорта был другой ранжир. В 1967-м году, с открытием Дворца спорта бокс, ожидаемо, превратился в местную академию.

Я приду туда в 13 лет, пытаюсь как-то возместить библиотечный досуг. Кто-то уже начинал пробовать себя в пивбаре, а я пошел в спортзал. Правда, способностей к этому делу у меня, по правде, совсем не было. Хотя рахитичные от рождения ноги вроде как чуть выровнялись, но атлетической силы в них не было, как и в руках. Но весовые категории были разные, и меня взяли, наверное, с расчетом, что долго не пройду. Рядом бегали и прыгали сверстники, но было чувство, что многие из них уже и родились боксерами. Они были кряжистыми, хмурыми и сильно сопели в бою с тенью. Я тоже бегал, скакал, отжимался и, на удивление, стал чувствовать, что крепчаю. Но эти ощущения появились только через год, в течение которого перчатки мне не выдавали, хотя мне очень того хотелось. Не выдавали, похоже, лишь по той причине, что на всех их не хватало, и получали их особо кряжистые и хмурые – те, кто казались перспективными. Тренеры были примерно такого же обличия: они ходили в синих трико и боксерках, были очень кряжистые, по-боксерски дерганные и предельно хмурые. Когда они были не с нами в зале, то топтались у стойки буфета, где переговаривались какими-то особыми боксерскими выражениями. Но однажды в среду в двери зала затащили огромный мешок. В нем были вожделенные перчатки, их было много, притом разномастных, сильно вонючих и рваных. Сбитые в камни конские волосы вроде как были отдельно, а порепанная, рваная кожа – отдельно. Те, кто желал, мог взять их домой для починки, а потом тренироваться. Я, конечно же, взял и по пояс в снегу гордо понес их домой.

Бабушка опечаленно вздыхала и совсем не верила, что такими бьют друг друга по лицу. Она долго искала какой-то годный материал для латок. Поутру я понял, что она, бедолажка, не спала всю ночь, чтобы этому разбитому и провонявшемуся хламу придать нужную форму. Но у нее получилось, и она даже шнуровку скрутила из брезента старого плаща. Перчатки были громоздкими, тяжелыми, в них детский кулак никак не фиксировался, но это были настоящие перчатки! И в пятницу я стоял напротив своего спарринг-партнера, такого же, как я, но кряжистого и хмурого, а значит перспективного. Да помимо того, он был в хороших блестящих черных перчатках, и мы начали состязаться. Пока я пытался как-то унять перчатки на своих кулаках, получил в нос, и тоненькая струйка потекла на губы. Но по истечении пяти секунд я ему тоже разбил нос, он

оторопел, опустил руки, и глаза у него намокли. Тогда тренер снял с него перчатки и отдал мне, а тот мальчик больше не ходил в зал. Это была хоть и необъявленная, но победа, над самим собой наверное.

Нас, как несовершеннолетних, никуда не привлекали, а старших я видел дежурящими на автобусной остановке. Но там я их наблюдал всего пять минут, и по их истечении они, уже без повязок дружинников, протискивались в узкие двери пивбара. А в зале с взрослыми мы почти не встречались, только в раздевалках. Их забинтованные руки, покатые мускулистые плечи и настоящие боксерки на ногах приводили нас, детей, в сильное волнение. Они тренировались в другом зале, при закрытой двери. Оттуда мы слышали оглушительные хлопки по лапам, удары по мешкам и грушам и шумные спарринги на настоящем ринге. А я тянул свою детскую лямку, старательно трудился и не заглядывал подобострастно в глаза тренерам, тем более, что взгляд у них не всегда был свеж и понятен.

Но однажды я все же попал на настоящий ринг. Прошли как бы соревнования, между своими, со взвешиванием, гонгом, судейством и даже горсточкой зрителей. Я победил в своей весовой категории своей возрастной группы, и мою руку поднял рефери. И с этого дня я почувствовал ко всему этому интерес, может быть не такой, как к библиотеке, которая к этому времени была перенесена или совсем упразднена, но интерес был зовущий и настойчивый. Я стал готовиться к юношескому первенству города; тренеров было много, если были какие-то площадки, там всегда возникали секции. Город если не воспитывал мастеров, то бить крепко и уворачиваться ловко учил. Было два основных места обитания боксеров: наш Дворец спорта и Дом пионеров, название которого в произношении наших взрослых боксеров звучало почему-то как «пионэров». Вроде как это был символ какого-то особого их отношения, причем явно не восторженного.

Но выступать на юношеском первенстве города мне не случилось.

«Командировка» в Хакасию, а потом болезнь больше чем на год убрали меня из этого физкультурного движения. Но когда это все закончилось, и меня все же взяли в восьмой класс школы, а в секцию не приняли, потому что у меня была уже сомнительная репутация, я почувствовал себя каким-то изгоем, обремененным чем-то нехорошим, и что дружить со мной греховно и опасно. Конечно, можно было бросить этот бокс, но я, со своим упрямым характером, ушел заниматься в Дом «пионэров». Ходить стало далеко, через марь, особенно это расстояние отбирало много сил зимой, когда многоснежные бураны

окупили весь видимый мир. Но я без пропуска, по ветру и морозу ползал со своей дерматиновой сумкой, которая на холоде смерзлась колом, в то деревянное здание, на коньке которого был огромный «пентограф» в круге, непонятно кем туда возведенный. Тренер был маленький, легкий и подвижный, с тонкой шеей и совсем не кряжистый. Он был хорошим тренером, да и буфетной стойки с бутылочным пивом не было в Доме «пионэров», зато в конце длинного коридора стоял ринг, на который пускали всех. Здесь были только юноши и совсем дети. Взрослые тренировались только в одном месте – Дворце спорта. Туда сгоняли всех городских дяденек – кого спарринговать, кого по лапам постучать. А я, вроде так и не став уголовником, хотя и был уже туда причислен, остался как бы спортсменом.

А с моей одноклассницей и первой любовью, с учетом моей сомнительной репутации, даже танго станцевать не дали на школьном новогоднем вечере. А я то пришел туда начищенный и наглаженный, а от нее пахло духами «Весенний ландыш», как будто и не было зимы на дворе. Мне очень хотелось с ней потанцевать под сводившую всех моих сверстников с ума песню про Ладу, которой не надо хмуриться. Пройдет год, и на новогодней вечеринке, но уже во Дворце культуры, со мной пойдет танцевать медленный танец другая девушка, и под другую песню, которая называлась «Неотправленное письмо». Так вот, мы с ней во всполохах новогодней елки и в лентах серпантина вроде как поцеловались. Наверное, так и случается: после первой любви приходит вторая. Потом я ее проводил, она жила совсем недалеко, как раз между Дворцом культуры и Домом пионеров, в престижном тогда трехэтажном доме, с мамой, в маленькой квартирке на втором этаже, и еще раз поцеловались в подъезде. А когда я через день после тренировки кинул ей в оконную раму снежок, она мне приветливо помахала. И я вдруг понял, что желанный, а девушка была старше меня на год и, наверное, поумнее. Ну, точно, она была активная участница местных городских мероприятий. Как мне рассказали, она под патронажем своей мамы, торгово-складского специалиста, участвовала, хоть и не на больших ролях, и в выборах, и в разных общественных подписях и учетах. А кроме того, была секретарем по учету призывников в военкомате. Мама ее заинструктировала всем нравиться и не быть дурой в жизни. А я еще два раза ходил под эти окна, там на меня больше никак не реагировали, но все равно, вроде по пути после тренировки я выбирал эту дорожку. И вот, я пришел в третий раз, он был последний. Тогда мне хорошо досталось по носу, он у меня всегда был слабый, и хоть и не ломался, но прилично кровил. И вот я поперся, герой-любовник, с кляпом в каждой ноздре. В этот зимний вечер ее окно очень ярко светилось, да еще оттуда подмигивала пара фонариков, пока не умерщвленных с нового года. Сугроб намело почти вровень с окном, и я туда

забрался, прямо с желанием для нее стих на снегу написать, но – увы. Она появилась на фоне тонкого тюля рядом с большим, совсем уже взрослым мужчиной. Они целовались, и совсем не так, как это было со мной. Там были другие поцелуи, совсем не как у Пьеро и Мальвины, скорее, как у Э. Золя в «Жерминаль», или как в кино 16 +. Помню, что тогда я сильно замерз и зашел в подъезд, вроде как погреться. Там, на белой стене, возле двери ее квартиры я тогда написал одним тампоном две буквы БЫ, а другим тампоном – две буквы ЛА, под песню, которая слышалась из-за двери и называлась «Неотправленное письмо». Так прошла моя вторая первая любовь, но, по правде, мне с ней еще придется два раза в жизни столкнуться.

Первый раз – этой же зимой и при очень странных обстоятельствах, в последние календарные дни зимы, когда валят самые сильные снегопады, но уже не так холодно. Я из окна нашего убогого, вросшего и прибитого в землю домишки в ранних сумерках увидел фигуру, которая от нашей калитки по плохо очищенной тропинке спускалась к двери. Конечно же, дверь моя открывалась внутрь, и фигура ввалилась в темный тамбур. Когда я ее уже впустил в дом, и был откинут капюшон, то увидел ее; было непонятно, то ли она ожидала меня увидеть, то ли это было для нее сюрпризом, только она резко повернулась и кинулась обратно на улицу. Я замешкался, пока что-то обул на ноги и накинул на полураздетое тело; я рванулся вслед, но она, как видение, растворилась в снежных буграх проулка. Мне потом долго хотелось думать, что она, где-то узнав адрес, приходила ко мне, а убежала, видимо, испугавшись увиденной картины бедности проживания и того самого абажура под потолком, покрытого уже желтой газетой «Правда». Но реалистичнее всего была другая версия: так как у нее в руках я заметил портфель и знал, что она – активная комсомолка и общественница, то вполне вероятно она просто совершала обход по страховке имущества, а может была агитатором по приближающимся выборам в местные Советы. А может, она хотела узнать у моей мамы, не желает ли та подписаться на новый, выигрышный, государственный займ? Вариантов было много, но почему-то после той внезапной встречи у меня огонь любви внутри поостыл. Еще раз я с ней встретился уже через годы, когда спустя два года стройбата приехал увидеть свою родину, в землю которой была закопана моя пуповина.

А в настоящем я готовился к первенству города по старшим юношам, таких было много, и они, конечно, будут драться зло и конкурентно за грамоты от профсоюза и аплодисменты зрителей. Эта возрастная категория была многочисленна и азартна и, на самом деле, спортивная – на фоне того, что взрослому боксу спортивного не было совсем. Кому-то повезло уехать учиться, а кому не повезло – уходили в армию. А те, кто сюда возвращались из Советской

армии, шли на тяжелую работу – замещать своих отцов. Потом заводили семьи, и было уже не до спортивных достижений, но кое-кто находил время прийти постучать по мешкам, что становилось у них своеобразным досугом и дополнялось баней по пятницам, тоже не без соответствующих событию напитков. А молодежи хотелось результатов, и юноши пытались их добиться на таких вот соревнованиях.

Первенство города приурочили к майским праздникам, проходило оно три дня во Дворце культуры, два дня как бы отборочные в ринге, что установили в спортивном зале Дворца. Зал был высокий, но холодный, и с зашарканным, в занозах, полом. Тут по пятницам и субботам проходили танцевальные вечера для молодежи под собственный вокально-инструментальный коллектив с названием «Космос». А финал – самый пик майских праздников, ринг планировали перетащить на сцену, и показать бои нескольких пар широкому зрителю. Там ожидалось присутствие всего местного руководства: членов партийных, комсомольских, профсоюзных и других важных организаций и их семей.

Я готовился с полной самоотдачей, которая, наверное, бывает лишь в таком нежном возрасте. Пришел тот день; я стоял в строю в составе команды Дома «пионеров» и осматривал своих будущих противников. Почти всех их я знал, и никакого страха и трепета не испытывал. Все были приодеты в новые красные майки и черные сатиновые трусы, у некоторых даже были новые китайские кеды «Два мяча», а у меня были наши, с красными загнутыми зубатыми резиновыми носами. Какой-то профсоюзный активист нас недолго, но горячо приветствовал общими фразами о значимости спорта в жизни человека и о политической важности предстоящих праздников. В первый день зрителей было немного, они расселись по скамейкам вдоль стен. Много было «нашенских» боксеров, которые все время будут орать примерно одну и ту же фразу:

– По печени, а потом в голову!

Да еще галдели вообще мальчишки из начинающих. Судьи построились в ринге, они все вообще были из тех, кто по мешкам ходит стучать, но сегодня – в белых рубашках, подтянутые и серьезные. Они приветственно помахали, и главный из них стукнул молотком по тарелке гонга, что было сигналом открытия Первенства города среди молодежи.

Моя весовая категория была, похоже, самая многочисленная и, судя по количеству кряжистых и насупленных, самая целеустремленная. Вдоль ринга стоял длинный стол, по-райкомовски укрытый красной плюшевой скатертью, местами потертой, видимо, локтями заседавших, но еще по внешнему виду довольно рабочей. За этим столом на стульях с высоченными спинками, верно, сохранившимися еще со времен концессии, расположились на сегодня вершители наших судеб. В самом центре – главный судья, грузный возрастной мужчина, явно из «нашенских» – это было видно по форме его носа, явно нуждавшегося в объемной реставрации. По левую руку от него стоял секундометрист с гонгом и еще какой-то «нашенский» народ, вполне трезвый и наверняка пахнувший очень популярной маркой мужского одеколора «Шипр». У самого края стола сидела девушка и явно на добровольных началах заполняла тушью зачетные квалификационные книжки спортсменов. Пачку этих книжек я ей и принес, когда внизу, у гардероба, мне их сунули с поручением донести до судейского стола. Эти зачетные книжки для второго-третьего разрядов, взрослых и юношеских, с верхней строчкой «Союз спортивных обществ и организаций СССР» цвета были то ли голубого, то ли коричневого и, судя по ржавым скрепкам на тонких корешках, очень похожи на те, что заполняют в поликлиниках историями болезней. И в этих еще будет история болезни, только другая: «спорт – залог здоровья». Девушка, согласно утвержденному списку, вносила в них наши фамилии и данные – того требовала спортивная бюрократия – и ставила синюю печать ДСО – добровольное спортивное общество «Трудовик». Главное и единственное спортивное общество на наших территориях, других не было.

Ну, вроде можно было и начинать. Последним на судейский стол принесли графин с водой и стакан. Но мне еще раз пришлось подойти к судебному столу, девочка-секретарь засомневалась, что правильно записывает мою фамилию. В этот раз мне и удалось разглядеть значок на лацкане пиджака главного судьи соревнований. Это был значок перворазрядника, но по форме совершенно необычный: похоже, это был пришелец из послевоенного, а может и довоенного спортивного прошлого. Все, кто легче меня весом, быстро проскочили. Маленькие люди в больших перчатках отстрелялись махом, Дом пионеров был не из последних в списке.

Мне в первом бою достался соперник, хорошо знакомый по Дворцу спорта, он был в таких же красных брезентовых кедах, как и я, и комично хмурился, сдвигая брови, но он был совершенно не страшен. Так и получилось: во второй двухминутке, после двух легких нокдаунов мне отдали победу за явным преимуществом.

Рефери на ринге в этом первом бою был Леня Шестак, который слыл очень активным ударником по мешкам и лапам, и в то же время часто лишка принимал на грудь. Работал он сменным мастером на промысле и мне запомнился после одной с ним встречи на улице. Это было в яркий августовский полдень, тот день был неприлично жарким по нашему климату. Меня тогда пристроили в помощь к одному из ветеранов, притащить заштопанный мешок в зал. Вот тут нам по пути и встретился Шестак. Вид у него был не то чтобы комичный, но уж точно необычный: он шел нам навстречу в черном пиджаке и штанах, рукава и штанины которых были основательно короткими. Верхние пуговицы рубахи были расстегнуты, а на шее на резинках болтался тонкий галстук, фасона тогда знаменитого. Он выглядел как тонкая селедка, с блестящей пальмой и какой-то грудастой средиземноморской красоткой в блестящих же трусах. Всю эту картинку венчал букетик в его вытянутом здоровом кулаке. Цветков было два, и они обреченно свесили головы. Шестак был «под мухой». Ветераны жарко поприветствовались, упокоив мешок полежать на земле. Шестак начал свой рассказ, ему явно хотелось выговориться. И он поведал, как вчера, после тренировки и буфета, пришел домой в очень игривом настроении. Жена его, Тамара, в это время мыла посуду, и он с ней пустился поиграться. Сам он так рассказал:

– Зашел я на кухню, а она тарелки вытирает. Я ей, раз, слева в животик показал, – и тут же продемонстрировал на улице весь процесс заигрывания с женой. – Раз-раз показал, а потом правой накинул через руку в голову.

Только потом стало понятно, что он ей, шутя, сломал челюсть. Сейчас он идет к ней в больницу, в надежде, что она его не выгонит из дома. По выражению его лица было понятно, что он не в первый раз покушался на ее челюсть. Его пьяные глаза прямо увлажнились от жалости к Тамаре.

Похоже, не выгнала, хоть он сегодня на ринге двигался тяжеловато, но был чисто выбрит и отглажен. Если совсем честно, то я знал его совсем с детства, конечно, с учетом нашей разницы в возрасте где-то в 20 лет. Когда-то мы жили в соседних бараках. Они стояли в строгую строчку, и их было три, плюс еще один, который стоял торцом. Я жил в среднем бараке, а Шестаки – в первом. Но адресный счет почему-то шел справа налево, как-то не по-нашему: 17,16,15,14. Не то чтобы я там, на участке, виделся с ним, но в одном случае он мне очень даже красочно запомнился. Мне тогда было около 13, и примерно такого возраста нас было приличное количество. И, конечно же, у нас были свои, отличные от других регионов большой страны, развлечения. Шестаков в

барачной комнате было много, но он, в возрасте за 30, был там самым старшим. Он, наверное, где-то и работал, но боксом занимался точно. Один раз я четко видел эту картинку. Был у него брат, Коля, неизвестно, насколько младше старшего, но мы его все время дразнили и третировали. Он был на участке за дурачка, болевшего недугом с малопонятным нам тогда названием «менингит». Болтали, что вроде его лечили тем, что долбили зубилом голову. Так вот, их окно в бараке, которое зимой наполовину заметалось снегом, в тот поздний вечер было нашим местом развлечения, впрочем, и не оно одно. А игра была такая: в зоне видимости этих блестящих в сумерках окон мы, как солдаты, устраивались в холодных сугробах и по результатам считалки выбирали одного, который по-пластунски, загребая голенищами валенок снег, полз к той цели. Он, изловчившись, втыкал в деревянную раму окна иголку, в ушко которой была продета нитка. А примерно в 10 сантиметрах от нее привязывал средней величины гвоздь. Потом катушку с ниткой разматывали по ходу отступления, и когда она добиралась до главного нашего редута, все и начиналось. Кто-то дергал за нитку, и гвоздь стучал в стекло, это получалось довольно звонко. К Шестакам мы с такой игрой заходили дважды, и оба раза кино было одно и то же. Первым на крыльцо, над которым горела лампочка, выбегал тот самый, что с не совсем здоровой головой. Оба раза вид у него был одинаков: в темных трусах до колен, босиком и с топором. Он, пару раз подпрыгнув на крыльце, бросался в сугробы и, дико завывая, размахивал оружием древних людей. Секундами позже на крыльцо выбегал старший, помимо трусов на нем еще была майка. Подпрыгнув пару раз с места в высоту, он самозабвенно исполнял минутный раунд боя с тенью, наверное, с целью нас запугать, но в снежных окопах не было страшно, мы знакомились с техникой бокса. Вот таким игруном был Шестак, но спешу вас заверить, что среди «нашенских» он не один такой. А сегодня – смотри, какой наглаженный и крайне официальный.

К вечеру у меня был еще один бой, в нем я тоже большого сопротивления не встретил. Парень был хоть и крепкий с виду, но еще не очень искушенный в том, чем явно недавно стал заниматься. По жеребьевке на завтра нас осталось четверо. По фамилиям я их не знал, а бои, что у них сегодня были, видел как-то вскользь, стараясь себя не напрягать. В завершение сегодняшнего дня соревнований вся команда судей и тренеров двинулась в буфет, посидеть за алюминиевыми столиками и бурно отпраздновать вместе с ужином.

У меня в этот день все получилось не очень сложно, но я, порядком измотанный, вернулся домой уже сумрачным вечером. В дорогу тренер мне выделил две банки сгущенки с конкретными инструкциями. Утром на взвешивании он меня еле протащил: вес настолько плотно приблизился к критической отметке, что

завтра могла случиться злая шутка. Так вот, я на ночь должен был высосать из банок все их содержимое и без грамма воды лечь спать до утра. Вроде как сахар сжигал воду, и вес падал. Какой-то дикий метод, но он применялся, и вроде даже работал. Меня хватило только на одну банку, да и то, после 12-ти я встал и прямо из-под крана наакался воды. Ну, конечно, у каждого где-то глубоко сохранилось представление о том, что существуют еще традиционные способы борьбы с лишним весом у спортсменов, и один из них – это баня. Но с этим рудиментом человеческой жизни здесь дела обстояли очень сложно и самобытно.

Конечно, всему ветеранскому, то есть «нашенскому», движению ДСО «Трудовик» не раз приходило в голову занять собственную баню, и даже кто-то когда-то пытался ее соорудить. Но все эти попытки были мертворожденными, и на это были причины. Помещению самой бани полагалось быть из деревянного бруса или бревен, но ни того, ни другого здесь не было и в природе, так как вокруг было болото и бугры, поросшие стлаником и кривой мелкой лиственницей, с которой, как известно, не построишься. А те деревья, что перестояли в болотах, серые и кривые, набирали такую крепость, что в них гвоздь вбить невозможно. Оно, по большому счету, и в огне не горело. Была еще елка, но, учитывая ее запредельную смолистость, в бане при повышении температуры воздуха смола бы стекала ручьями. В теплую погоду она обильно выделялась даже с тех досок, которые по 40 лет уже простояли на завалинках барачков. Это-то я знал хорошо, совсем с раннего детства. Мы все теплые дни сидели на этих завалинках, подоткнув под себя руки, и грелись на солнышке. Не лучше было и с серыми столбами с длинными продольными трещинами, из которых мы выковыривали летом здоровенных жуков-усачей. Со столбов смола, видимо, ловчей выветривалась и высыхала. Столбы были по большей части покосившиеся, наверху с белыми фарфоровыми роликами, через которые шли провода. Их на баню по известной причине завалить было нельзя. А дальше – больше: баня – это же, конечно, каменка, а с этим было еще хуже, камней вообще не было. Было болото, песок и, конечно же, торф и жижа, им производимая. Но зато на веники можно было нащипать с чахлой мелкой березы или с кустов ольховника, да только какой толк от веников без бани?

В городе баня все же была, и на моей памяти даже две. Одна – это совсем наша, такой же полубарак среди наших барачков, но оштукатуренная и побеленная. И потому выглядевшая всегда нарядно, а значит и празднично. А вторая – это та самая, общегородская, двухэтажная и тоже побеленная. Но функционировали они обе одинаково специфически. Неделя была поделена на дни мужские и женские. Понедельник – он, вторник – он, среда – она, четверг – он, пятница –

она, суббота – она, а воскресенье как-то не очень было по родам, и из него сделали санитарный день. Конечно, в этом делении была доля позорного сексизма, но тогда такими проблемами не грузились. И, конечно, баня, как и театр, начиналась с гардероба и кассы, которая билечивала талонами, похожими на автобусные. Роль театрального швейцара выполнял банщик, но обязанности у него были во много раз ответственнее. Он выдавал простыни и белые полотенца, короткие и со странным названием «вафельные». На них обязательно очень четко были проставлены фиолетовые штампики, которые узаконивали их принадлежность именно этому учреждению. Банщик был всегда одет в белый халат с черными пуговицами, и он всегда был ему не по размеру коротким. Колени мужчины торчали, как верблюжьих горбы. Из рук он не вынимал свой главный профессиональный инструмент, который не имел определенного названия, но выглядел достаточно угрожающим. Это был крюк из толстой стальной проволоки, согнутой под прямым углом, и с ручкой, обмотанной видимо уже списанным вафельным полотенцем. Этот крюк он засовывал в дырки, что были в дверцах кабинок, и, по ситуации, или закрывал, или отодвигал внутреннюю задвижку дверцы. Банное воровство было у нас уже, похоже, отдельной специализацией. Особо красть было нечего: крали часы, тогда они имели какую-то ценность, да и, наверное, в карманах что-то попадалось. Моечный зал был с большими окнами, бетонными столами и с шайками из серой листовой оцинковки. Вдоль стены шли две трубы: с горячей и холодной водой, каждый ее по своему вкусу разводил и пользовался. Все было в мыле и опасно скользило. Наша барачная баня, будучи сооружением в один этаж и зимой до половины окон заметавшаяся снегом, была театральной сценой, с партером в этих сугробах. Занавес не давали, и окна в темноте парили и светились, маня обделенных женским присутствием. В женские дни кого-нибудь обязательно гоняли, но ловили всегда одного. Звали его Юра, лет ему было вроде как за 50, и был он по электрической части, так как целыми днями ходил по участку и подолгу простаивал, задрыв голову на те самые фарфоровые ролики. Но он, наверное, сам думал, что по электрической части, а все были уверены, что он ворон считает. Юра, наверное, замерз, потому что хоронили его в пургу, хотя уже и близко к весне. Может он тоже был «подснежник»? Это те, кто не дошел до укрытия в хороший буран, а весной вытаял. Мне, наверное, еще тогда и 10 не было, но я отчетливо помню, как мужики, еще его не похоронив, уже поминали, и как-то зло спорили, класть в обитый красной тряпкой гроб или нет две фронтовые медали, одна из которых была «За отвагу» без тряпки на колодке, а вторая – «За взятие Будапешта». Две их было, или только эти нашли в его полухибаре-полуземлянке, навсегда останется тайной. И тайна эта останется на огромной и неуязвимой государственной совести.

А в бане все таинства совершались в парилке. Это было очень особое в техническом оснащении сооружение, вряд ли такое могло еще где-то в географическом смысле существовать, хотя таких, особых режимных зон (ЗП), на наших необъятных просторах хватало. В общепринятом представлении для того, чтобы париться, парилка должна быть горячей и, вроде бы, чем горячее – тем лучше. Но наша парилка была совершенно холодная, а в морозные зимние дни – прямо очень холодная. Работало все так: очередная партия жаждущих жары располагалась на холодных досках четырехъярусных полок. Туда заходил банщик в мини-халатике, на одной руке у него была огромная брезентовая рукавица, которая являлась привычным спутником и атрибутом во всех трудовых буднях. Он засовывал руку с рукавицей куда-то глубоко под полки, и оттуда раздавался протяжный свист, по тону очень похожий на тревожный гудок паровоза. Воздух, смешанный с перегретой до 400 градусов водой, врывается в помещение, моментально превращая его в жаровню. В этом и парились, а через 10 минут от этого пара не оставалось и следа, все снова становилось холодным, да еще и мокрым. На каждый заход приходил банщик и всех угощал тропической жарой. Те, кто вышли, поливались из тазиков и терли друг другу спины, намыливая жесткие волосяные мочалки большими кусками черного мыла, которое звалось хозяйственным. Потом, у кого-то в процессе мытья, а у кого-то в финальном аккорде, наступала минута наслаждения, которая восходила к кружке пива. Оно здесь было одной марки – «Жигулевское». Употребляли его прямо в предбаннике, и часто – прямо из трехлитровой банки, пуская ее по кругу. Банку приносили в плетеной авоське, она была всегда полная и закрыта недавно поступившими в обиход крышками под названием «Полиэтиленовые», они же, наверное, и капроновые. И эта крышка частенько так плотно присасывалась к банке, что содрать ее было очень даже проблематично, даже здоровенными пальцами работяг. Под пиво курили, тогда курили везде и много, самой ходовой маркой были папиросы «Беломорканал», которые стоили как пирожное, 22 копейки, или «Север», которые были дешевле. В нашей участковой бане всегда медленно, в углу, крутилось здоровое вытяжное колесо, от того и дышать было полегче.

Многие шалили, требуя продолжения праздника, и даже в холодные дни, что-то накинув на себя из одежды, бежали в пивбар, который был совсем рядом. Это заведение жило под названием «Минутка», но заходили в него на минуту, а оставались, бывало, на всю жизнь. Там, за стойкой, стояла Машка-буфетчица, она была большого роста и широкая в объеме, а обзывали ее аферисткой, вполне возможно, что не без оснований. Машка не только по здоровенным кружкам разливала пиво, здесь же была и «Московская» и «Агдам». Главной, конечно, была водочка, ей, после того как прямо на пол с пива сдували пену,

подмлаживали «Жигулевское». Машка-аферистка отродясь не говорила, когда привезут свежее, из страха, что старое не продает. А когда спрашивали, она голосом фельдфебеля Первой мировой войны отвечала:

- Вам, алкашам, какая разница?

Но когда на стареньком бортовом «газике» привозили новую здоровенную бочку, она тем же голосом одинаково орала:

- Мужики, подсобите!

И мужики дружно сгружали и закатывали эту здоровенную бочку в стальных обручах ей за стойку. В «Минутке» вытяжного колеса не было, но курили все без пауз, а ссать ходили прямо у порога. Зимой все ближайшие сугробы зияли глубокими желтыми тоннелями. «Минутка» была популярным и обожаемым пристанищем.

В центральной бане, то бишь городской, мытье повторялось по той же схеме, но не во всем. В окна там не подглядывали по причине того, что помывочные были на втором этаже, а водку с пивом продавали здесь же. Но вся техническая часть повторялась, как и вафельное полотенце, и банщик в белом мини-халатике, с крюком. Именно в эту баню и ходили наши городские боксеры, «нашенская» братва парилась по четвергам, и ходили группами не менее чем по 10-15 человек. И тогда для всех помывка приобретала боксерский колорит: они делали уклончики, нырки, при этом громко хохотали, шевеля хмурыми бровями и покатыми плечами. Показывали «в животик» то банщику, то простым труженикам, а то и кассиру в амбразуру. Все это были такие шуточные приветствия в духе Шестака. Воспринимали это по-разному, кто-то их считал за придурков, а кто-то страшился. Явно их ненавидели только те, кто был много и сочно исколот, а таких было, надо сказать, немало. Но если такие ходили в баню поодиночке, то «нашенских» всегда была толпа, да плюс здоровье. Но если в бане и случались конфликты, то участковый был всегда на стороне «нашенских». Исколотые тоже, потеряв свои страхи в лагерях, отвечали зло и мстительно, а «нашенские», плохо понимая смысл многих слов, которыми их обзывали уголовники, пытались этот смысл заместить тем, что приглашали на улицу «один на один», заранее предвкушая триумф. Но жизнь позже неоднократно докажет, что все может развернуться и по другому сценарию. После бани «нашенские», не все, но в большинстве, продолжали банкет в заведении, которое было известно под названием ЦПХ – центральное

пи*дохранилище, то бишь женское общежитие, где у них тоже все было хорошо с администрацией и участковым. Они были спортяги, а значит классово близкими. Вот такой был наш ДСО «Трудовик»; многие там нашли пристанище, в инструкторах и тренерах, дабы избежать преследования за тунеядство. Их там кормили и одевали, а они молодежь воспитывали в нужных моральных пределах.

Будильник зазвенел согласно полученному заданию. Он был настоящим, железным, с погнутыми стрелками и заремонтированный до такой степени, что звенел ненамного громче, чем стучал стрелками. Всю ночь снился один и тот же неубедительный сон, про автомат с холодной газированной водой без сиропа за одну копейку и воробьев на заборе, которые к утру пытались мне угрожать. За окном серо, но провода не раскачиваются, это значит, что большого ветра нет, а значит и не очень холодно. В пристроенном позади дома сортире, как обычно, поутру бегали крысы. При моем появлении они кинулись по щелям: похоже, воровали что-то у курей, а может перья у них, полусонных, выдергивали. Крысы были, как крысам и положено, серые и наглые. Точно учуяв свою недосыпаемость, они стали из щелей высовывать свои усатые рыла. Но стоило только стукнуть по доске ногой, мигом исчезали. Утром я столь желанную воду пить не стал, хотя желание было огромным. У меня в столь раннее время всегда пробежка в 5 километров. Это расстояние никак не вымерено, и масштаб принят условно. Когда открывал калитку, весь наш убогий забор ходил ходуном. За зиму его расшатала высокие сугробы, а потом его геометрию размывали потоки грязи по проулку.

Ночью был минус, и грязь попеременно с остатками закаменевшего снега смерзлась в единую массу. Мои старые ботинки с тонкой подошвой хорошо ощущали эту горбатую корку земли, на которой мне однажды довелось родиться. Через первые 100 метров вверх я уже у 17-го барака, крыльца у него не было, и казалось, что входные двери растут прямо из земли. Около них сидели две вислоухие собаки, похоже, никому не нужные, и смиренно ждали. Но если доброй руки не дождутся, то опять пойдут на помойку, которая была в двух шагах от крыльца. Она располагалась как раз между 17-м и 15-м бараком, в который меня принесли из роддома, и где прошло мое раннее детство. Участковый начищал сапоги, даже на приличном расстоянии мне вдруг померещился запах ваксы. Наверное, по правилам службы он обязан был обратить внимание на пробегающего, но не среагировал. Я давно помнил участкового, еще когда у него форма была темно-синего цвета, с серебряными, красивыми офицерскими погонами. Она была похожа на парадную форму, в которой вышли солдаты-победители. И он в этой форме своим видом пробуждал

яркую неприязнь у тех, кто был на фронтах войны. Сейчас на его голое тело был накинут китель такого же цвета, как те зверушки, которые по утрам встречают меня у толчка. А если он раньше был приходящим в этот барак, то теперь, видимо, окончательно прижился у толстой и губастой буфетчицы.

Под ногами хрустел грязный лед, а рот выдыхал пар. В легком тумане светились окна бараков, за обязательными тюлями всегда были видны фикусы и неясные силуэты людей, собирающихся отдать свой труд на благо страны. Сзади меня громко затарахтел мотоцикл. Это был житель соседнего со мной проулка, уже довольно возрастной, всегда бледный и хмурый. Мотоцикл, казалось, был у него всегда: с коляской, покрытый грязно-коричневой краской, очень вонючий и гремучий. Кое-кто даже говорил, что он немецкий, но, наверное, ввали для колорита, а может и нет. Через много лет, уже в другом тысячелетии, из ностальгических причин кто-то придумает, что раньше все жили дружно и были добры и приветливы. Это придумки поколения, которое выживет и будет идеализировать свое детство. Тогда им казалось, что все люди одинаковы, понятны и добры. Но точно тогда не были все за одного, были как всегда – каждый за себя. Мотоцикл теперь тарыхтел и вонял впереди, а сзади меня догоняли те две собаки, которые смиренно сидели у входной двери. Они продуманно и явно не с добрыми намерениями гнали облезлого кота. Тот, изловчившись, запрыгнул на ближайший забор и начал на них щериться, вроде как издевался. Может быть, собаки и не ждали там народной руки с тарелкой вчерашнего супа, может, они кота и дожидались? Похоже, собак гнали не холод и голод, а ненависть, которую ничто не могло унять: ни предпраздничные радости, ни анонс политического курса. И я был уверен, что у них всегда так будет, при любых режимах и формах демократии.

Строчка одноэтажных зданий заканчивалась 17-м баракком, это была улица Вокзальная. Через несколько частных домиков по обе стороны, в которых всегда жили татары, стоял длинный, с горбатой крышей барак, у него были большие окна и двор, огороженный штакетником. Это была моя первая школа, которую взрослые почему-то звали корейской. Мне в ней все было родным и знакомым, даже прилегающая здоровенная лужа, которая никогда не кончалась, и в которой мы, будучи первоклассниками, ловили черных вертлявых головастика. В школьном двореке малорослый дворник в сапогах с подвернутыми голенищами, в черной телогрейке и расшитой тубетейке гремел огромной совковой лопатой, пытаясь все неровности соскрести в одну кучу. Это была моя первая в жизни школа, возможно, и самая главная – начальная. А справа – обрыв, в нем – прилепившиеся к своим маленьким участкам домишки с черной крышей из толя, залитого извилистыми змейками давным-давно пересохшего гудрона.

Через десяток метров на взгорке громоздилось огромное по местным масштабам приземистое одноэтажное здание, собранное из металлических листов. На моей памяти это здание было в двух цветах, зеленом и синем. Его сваяли задолго до моего рождения, но всем было известно, что когда-то это было Управлением концессии, которая долгие годы вывозила огромные объемы нефти. По рассказам, ее по узкоколейке до берега моря возили в корытах, заполняли огромные резервуары и ждали танкера. Учениками начальной школы мы иногда лазили между фундаментами этого хмурого железного здания. Там были горы пробитых перфокарт и всякая дребедень, но однажды нам попался загадочный и хорошо запечатанный ящик. Мы, разгоряченные, долго ковыряли его и, отогнув одну из досок крышки, вдруг обнаружили там что-то совсем непонятное и не гармонирующее с окружающей реальностью. Это сокровище Али-Бабы сразило нас своим цветом: все, что там находилось, было красным, да не просто красным, а совершенно красным! Через много лет в одной из тропических стран на местном рынке я вспомнил этот цвет, когда увидел чудо природы, рожденное на дне теплых морей и океанов – красный коралл. Ящик был полон женских украшений именно этого цвета: это были сотни клипс, которые на ушах носят женщины. И они были все одинаковые. Не помню, как мы этим богатством распорядись, но примерно неделю все девочки в нашем классе были в красном.

Воздух был холодным, но не обжигал. Бежалось легко. Я знал цену дышалки на ринге, и потому такими пробежками не пренебрегал. Вокзальная улица заканчивалась, переходя в Промысловую, но я свернул раньше в параллельный ей переулочек, который по неизвестным мотивам был назван Физкультурным и являлся частью моего утреннего променада. Начинался он с самого высокого в округе строения, не столько высокого, сколько построенного в самой высокой точке. Это строение по своей архитектуре было откровенно безобразным, со сколоченным из бруса квадратным сараем на крыше, который был в виде ромба, и каждый угол его располагался по частям света. Также он был украшен слуховыми окнами, тоже ромбической формы, а сверху на нем возвышался шпиль, похожий на антенну. Когда-то это было японское консульство, а с сарая на крыше они явно наблюдали за своими танкерами, что стояли на погрузке нефти. Мне это здание уже было известно как детский садик, куда меня и водили непродолжительное время. Рядом, справа, – двухэтажный большой жилой дом, когда-то служивший жильем для консула и всех остальных оккупантов. А чуть дальше, слева, прямо за очередным проулком, который опять же обрывался оврагом, стоял белый особняк с частично облупившейся штукатуркой, и видно было, что это чудо-строение – из кирпича. Это уже точно никогда не было творением концессии. Это был дом начальника управления

лагерей, который когда-то здесь располагался, имея огромные полномочия по управлению этими территориями. Теперь тут аптечный пункт, да еще и зубы сверлят. Вот этот-то проулок Физкультурный шел по хребту бугра и был ровным и чистым. По обе его стороны тоже находились бараки, но совсем другого содержания: они были где-то на две, а где-то на три семьи и стояли за общей линией ровного штакетника, и даже с посаженными на территории рябинами и березками. Пробежка по этому Физкультурному переулку была самой комфортной частью моего пути. Дальше – небольшой спуск и выход на улицу Щербакова, который упирается в 10-ю школу-восьмилетку – большой двухэтажный металлический барак с широкими окнами. Здесь мне довелось проучиться два класса. Это учебное заведение было издавна печально знаменито своими малолетними выпускниками, которые оканчивали свое восьмилетнее образование в сибирских колониях для малолеток. Вся шпана с трех барачных участков – 23-го, 24-го и 17-го – собралась здесь, чтобы осваивать учебную программу 5–8-х классов, чтобы потом всех разогнали по ремеслухам. Они не желали знаний, им хотелось воли. Хотя школа была постоянно в состоянии режимного объекта, а у директора была почетная кличка «Крокодил», в плане успеваемости, а еще хуже – дисциплины, школа висела тяжелым грузом на городском образовательном учете.

Дальше вниз, по ту же сторону, справа, открывалась панорама целого городка, той самой знаменитой ремеслухи. Это были те же самые двухэтажные железные бараки, которые спускались прямо до мари. Их было не менее 10-ти. Когда-то это было место, где обучался и оформлялся тот самый пролетариат-гегемон, основная прогрессивная сила развития страны, то есть строители коммунизма. Сейчас это было зрелище апокалиптическое, и оно было таким порядка 10-ти лет. Вся эта воспитательно-образовательная структура была ликвидирована во всесоюзном масштабе, а у нас все эти годы все просто растаскивалось. Металлические скелеты еще частично держали на своих крепких костях металлические же обшивки, которые в ветреную погоду истошно и похоронно гремели. Часть барачных была сожрана пожарами, которые все выжгли изнутри, поплавили и закоптили. Но зато сохранилась металлическая дуга над входными воротами. Она, похоже, была исполнена молодыми сварщиками в виде начальных букв этого заведения, но, впрочем, даже сейчас вся территория виделась как хорошо когда-то спланированная, вплоть до спортивной площадки. Она должна была надежно служить делу строительства коммунизма.

Дальше справа – два деревянных двухэтажных барака, до сих пор обитаемых, вероятно, построенных когда-то для учителей и мастеров ремесленного училища. Спуск по улице Щербакова заканчивался, упершись в десятиметровый

мостик через Малую Нефтянку, которая дальше втекала в нашу марь. После 20-ти метров подъема – большая площадка, на которой и стоит Дворец спорта, тоже железный, синего цвета, а по фасаду раскрашенный картинами в стиле советского реализма: спортивными фигурами, устремленными в светлое коммунистическое будущее. Спортсмены на этом большом агитационном плакате традиционно были одинаковы – что женщины, что мужчины. Мужчины от женщин отличались тем, что у них были более квадратные челюсти, но и у тех, и у других на груди были вездесущие серп и молот. Бегу левее в горку и забегаю в свой проулок. Финальный спурт, и я вновь у своей шаткой калитки, что прилепилась к полузавалившемуся после натиска сугробов забору.

Над моей узенькой кроватью висела страница из журнала «Советский спорт», на которой был цветной портрет Бориса Лагутина после Токийской Олимпиады 1964-го года. Посмотрев на него, я окончательно понял, что ни пить, ни есть мне точно нельзя. Умывшись над железным рукомойником, я прихватил с собой сумку, вроде как спортивную, и двинулся в сторону своего ристалища. Хотелось быстрее пройти взвешивание, а потом в буфете съесть черствое пирожное с названием «Кольцо», да выпить стакан киселя с холодными и скользкими кусками крахмала. И вот я опять за калиткой, конечно же, без шапки, в сером советском болоньевом плаще. Но даже такой плащ, по своему фасону вообще лишенный очарования, был попрестижнее тех брезентовых дождевиков, в которых, с ружьем на плече, сторожа караулили склады с социалистической собственностью. Я всегда старался торчком поставить воротник, мне казалось, что так я выгляжу значительно более стильным.

По пригорку вниз опять до Дворца спорта, потом резко налево и к мари. Это сложное природное образование было точно не лесом, но и не болотом. Там проходила наша детская жизнь, туда мы ходили охотиться с рогатками на куликов, там же собирали прошлогоднюю клюкву и выедали еще зеленую морошку и голубику. Там у нас были даже свои купальни. Это такие глубокие ямы, отороченные ровно по окружности деревянными столбиками, и по теплой погоде заполненные черной торфяной водой, с жуками и лягушками. В них мы и полоскались в редкие жаркие дни. По преданию, в этих местах когда-то стояли железные баки, наполненные, конечно, нефтью. Но главным украшением мари была «Нефтянка». Когда-то, при рождении, это была хорошая нерестовая река, человеком превращенная в мертвую воду. Особо она была нарядна в зимние снежные месяцы. «Нефтянка» никогда не замерзала, а сугробы, которые на нее наметал ветер, в своих берегах становились черными и переливались всеми оттенками этого цвета. Через марь шел тротуар, он, видимо, прогревался днем, и под ним быстрее вытаивало. Я даже заметил мелкие зеленые щеточки. Жизнь

возвращалась с приходящим сюда теплом. В этом месте марь тянулась, наверное, с полкилометра, и тротуаром упиралась в новый бугор, по краю которого шла та самая узкоколейка со зданием, вроде как, вокзальным. Здесь было много тупиков и крановых устройств разного калибра. Это хозяйство во время кратковременной навигации работало круглосуточно. И ночами в окно у моей кровати залетали световые зайчики, сопровождаемые грохотом перегружаемых труб, металла, цемента – всего того, что везли сюда с материка на громадных плоскодонных баржах, чтобы промыслы работали без простоев.

Опять крутой подъем, обрывистый, ничем не примечательный, если не считать слева здорового ангара с трубами и громадными воротами. Здесь когда-то было энергетическое сердце всей территории, пока не пустили ТЭЦ на газе. Раньше тут стояли несколько огромных дизелей, которые работали на мазуте и через генераторы давали ток на промыслы. По легенде, они были демонтированы с японских военных кораблей, а может и с немецких. А дальше улица в шесть двухэтажных барачных бараков, названная именем великого писателя, который об этой самой земле так написал: «Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения». Эти бараки были из деревянного бруса и даже с плотницкими изысками в виде округлых наличников, но их барачное нутро было видно, и даже не в них самих. Уличные сортиры рядом с громадными, уже вытаявшими помойками, выдавали весь комфорт местного проживания. Эта литературная улица выходила прямо на сезонный городок – такое, как бы вообще отдельное, место проживания. Оно образовалось во вторую волну заселения этой территории. Для тех поселенцев и был построен этот чудо-городок. С десятков рядов бараков спускались прямо к мари. Построенные на один сезон с понятным запасом прочности, они стояли уже три десятка лет и были обитаемы. Там не имелось ни названия улиц, ни нумерации домов, даже посчитать их было невозможно, ибо они где-то соединились между собой, а где-то, наоборот, разъехались. Кто как мог привязал себе метры, которые часто даже были без пола и крыши. Сам себе пригородился – считается. Там обитал сразу после войны и в последующие годы основной контингент уголовного мира со своими правилами общежития. Там был даже свой стиль в одежде: подвернутые сверху сапоги и телогрейка, а на голове восьмиклинка. А участковые в те джунгли старались вообще не соваться, и мне туда не надо было.

Я спустился между бараками Чеховки, слева еще один двухэтажный барачный барак, и опять же с большими окнами. Это вечерняя школа рабочей молодежи. Я часто по темноте, уже возвращаясь с тренировок, наблюдал, как в ней светятся окна. Она жила своей жизнью, и я к той жизни имел отношение. Еще два десятка метров, и

очень значимое для всего населения место – базар. Это была территория влияния Сезонки, а потому «нашенские» не очень любили здесь появляться. Это было самое тусовочное место: если местный теневой оборот существовал, то он был здесь. Географически это была как бы срединная территория, между тем, что называлось городом, и заброшенными резервациями. По существу, это большая территория, слегка покатаая с юга, подпертая Чеховкой, а с севера она упиралась в ту самую Февралитку, которая обоснованно себя причисляла к Сезонке. На этой территории под крышей были два длинных прилавка, то есть торговые ряды. Также был продовольственный магазин со «штучным» отделом, где бойко торговали спиртным. Тут же расположился магазин со сказочным названием «Коробейник», где торговали кастрюлями и тазиками. Рядом с ним – барак, разделенный пополам: с одного торца хлебный магазин, с другого – уцененка. Ближе к Февралитке – пивбар, просто пивбар, без собственного имени. Он когда-то был главным разбойничьим штабом. На этом базаре всегда кто-либо толкался, но преобладали, конечно, те, кто искал выпивки, а таких было много. Вида они все были потрепанного и неопрятного. Кто-то из них уже отсидел свой срок за тунеядство, а кто-то только собирался. У громкой трудовой славы они были побочным выхлопом, который наградили холодом, голодом и безнадеей. От этого базара до улицы Ленина оставалось 100 метров по тротуару, и мостик через еще одну Маленькую Нефтянку. А там уже совсем недалеко до сквера с елками и березками, среди которых, на высоком постаменте, – памятник вождю мирового пролетариата. Он две руки держит в карманах, а взгляд его устремлен на юг, в нашу сторону барачных резерваций. Он тут стоит давно. Сначала его поставили, а потом стали остальное пристраивать. Хотя у нашего народа всегда сначала строили Храм своей веры, а потом вокруг него расселялись. А за спиной вождя блестел колоннами Дворец культуры.

В большом холодном фойе уже было прилично народу. Сегодня у всех на сцене было расписано время под генеральную репетицию. По фойе, греясь, бегали дети, кто с деревянными винтовками, кто с сумками санитарок, таскали барабаны, а по лестницам перли какие-то декорации. Завтра праздничный концерт и показательные выступления талантов, завтра 9 мая. Пионеры маршируют по-пионерски, а комсомольцы учат речевки.

В зале – пустой ринг, вокруг него кто сидит на скамейках, кто бродит, из тех, кто уже взвешивался. У медицинских весов с большой гирей и уже проржавевшей шкалой с рубчиками килограммов и граммов – медицинский столик, укрытый белой скатеркой, там сидит медработник – молодая девушка в халатике и симпатичной шапочке с красным крестом. Наверное, такой образ в будущем будет участвовать в ролевых играх. Человек пять «нашенских» стояли возле нее

и балагурили, громко смеясь, но девушка от их присутствия явно не была весела. Она увидела меня и нашла повод вывернуться из круга джентльменского внимания – назвала меня юношей и попросила немедленно пройти медицинский осмотр с взвешиванием. Тут в дверях появился мой тренер, Николай Максимович, когда-то он боксировал в самом легком весе, а сейчас был легким, лысым, кривоногим и усушенным. Как всегда в своем синем шерстяном костюме с вытянутыми коленями и беленькой полосочкой на вороте с коротенькой молнией. С «нашенскими» он не держался по-братски, а по мне так вообще их ненавидел, и был хорошим тренером и добрым человеком. Подойдя ко мне, взял меня за уши и стал до боли натирать, он считал, что это перед боем приводит в нужное настроение. Но в это время меня пригласили к медицинскому столу, и мы пошли вместе. Девушка с красным крестиком на шапочке зачем-то заглянула мне в ноздри, затем в уши и пригласила на весы. Главный судья лично записывал вес участников и сейчас с ручкой в руке над протоколом ждал для меня приговора. Николай Максимович явно волновался так, что готов был себе уши покрутить. Но все опасения оказались напрасными, я даже недобрал 75 грамм.

После взвешивания – сразу мысли о пирожном «Кольцо» и киселе с крахмалом. Но Николай Максимович настаивал на разговоре. Когда уселись с ним на скамейку, он показал листик, который трубочкой держал в кулаке. Это были результаты жеребьевки. Они были правленные, так как отличались от тех, что вчера официально представили. Это было непонятно, хотя мне, по большому счету, было все равно. Двух соперников я никак не знал, что по вчерашнему списку, что по сегодняшнему. Но эти поправки имели определенный смысл, организаторы общегородского праздника поменяли регламент на завтра. Митинг, как и планировалось, начнется в 10 утра на площади, потом возложение венков к вечному огню, а затем все пойдут в зрительный зал Дворца культуры. Тут и начались корректировки. Когда организаторы посчитали сумму времени на заявленные выступления всех участников, плюс установку ринга и наши финалы в нем, все уже могло закончиться по темноте. Посчитали, что людям будет это долго, а в праздник все намеревались быстрее сесть за стол, и программу стали сокращать. Хотели вообще бокс убрать из программы, но председатель ДСО «Трудовик», имея авторитет среди местных элит, развел такую дискуссию, что было решено бокс оставить, но сократить до одного финального боя на усмотрение спортивного руководства. Меня это не особо взволновало, и я не мог понять связи с подтирками в жеребьевке. Но дальше все стало проясняться. Вчера в моем весе отработал два боя никому не известный паренек, он был приезжий, и заявили его от техникума. Он оба закончил досрочно и всех восхитил своими способностями. Так вот, по вчерашней жеребьевке у меня с ним

сегодня должен был быть первый бой. С учетом изменений в общем сценарии, вчера, уже поздно вечером, в присутствии председателя ДСО, главного судьи и тренерского состава, было принято решение нас развести, и именно нам дать в финале показать красивый бой общественности. Николай Максимович ждал моей реакции, было видно, что этот разговор ему не очень давался. Но я сказал, что буду делать, как он скажет. На том и порешили.

В буфете «Кольца» закончились, как и кисель. Было слоеное пирожное «Язык», которое в руках рассыпалось, и компот, совсем не сладкий. Этим я и удовлетворился. Больше было нельзя, через полчаса выходить на ринг. Вовремя я успел переодеться и чуть-чуть на скакалке попрыгать. На ринг вызвали раньше, ибо в другой весовой категории спортсмен не явился, и победителя объявили сразу.

В противоположном от меня углу приплясывал насупленный и явно заряженный на одну плюху парень. Заряжали «нашенские», что не надо боксировать, просто выдай плюху. Он притом еще был чей-то родственник. Так его накачали, а он и повелся. Николай Максимович от меня не отходил, все уши тер. И вот я пошел в бой за Дом пионеров. Парень готовил плюху, из-за ринга ему орали «нашенские»:

– Двоечку! Двоечку!левой-правой!левой-правой!

К концу раунда соперник начал буквально исполнять по подсказке. И когда он должен был ударить правой в голову, я его встретил левой в печень. А тут гонг, он все же дошел до угла и тяжело опустился на стул. Николай Максимович в моем углу уверял меня, что тот уже не выйдет на второй раунд, но он вышел, сгорбившись и пошатываясь. Однако из его угла выбросили полотенце. «Нашенские» молча сопели. Я пошел в раздевалку. Целясь в печень, я попал большим пальцем в сустав локтя. Снял бинт и сунул руку под холодную воду из-под крана. Минут через пять пришел Николай Максимович с новостью, что мой следующий противник снялся, сославшись на травму, и что я уже финалист. На его полувопрос, хочу ли я посмотреть на своего возможного противника в финале, я отказался. Сказал, что поеду домой. Он вроде хотел опять помять мне уши, но не стал. Попросил, чтобы я завтра пришел пораньше, постоять на лапах. И еще, как бы смущаясь, сообщил, что тот паренек тихо сидел в сторонке и отслеживал весь мой бой, но меня это не впечатлило.

Хорошо помывшись под горячим душем, я направился повторно в буфет. Надо было как-то реализовать талоны от ДСО «Трудовик» на питание. В буфете уже был хороший ассортимент: и винегрет, и холодец, и даже мое любимое заварное пирожное, и крем-сода в бутылке. Завтра взвешивания не будет, и мне ничего не грозило. Хорошо поев, я передумал идти домой. У меня возник другой план: мне захотелось в кино. Тихо и незаметно пройдя за спиной вождя мирового пролетариата, я уперся взглядом в фасад первого магазина. Еще недавно на его коньке красовались лицо рабочего с челюстью как у канадского хоккеиста, большая цифра 1, слово «Май» и красные гвоздики. Весь ансамбль был раскрашен по фасаду. Сегодня же рабочему приделали каску из фанеры, а на грудь пририсовали Орден Солдатской Славы. Цифру 1 переделали на 9, но цветы оставили. А саму суть с надписью «День Победы» просто прислонили к общей композиции. Было неплохо и, как всегда, по-советски пресно и не празднично. Ну, конечно же, все было утверждено на художественном совете горкома партии, как и красные флажки на каждом столбе по всей улице Ленина, которые еще были достаточно свежими с Первомай. Похоже, школьники или техникумовские лопатами скребли улицу. Все готовились к таинству – помянуть принявших на себя смерть ради живых. Конечно, этот праздник люди любили сильнее и отчетливее, чем недавний Первомай. План праздничных мероприятий был такой же пресный и предсказуемый, как и композиция на фасаде первого магазина. У этой власти не было таланта устраивать праздники, был талант не пускать и запрещать. Мне вообще был интересен последний перед вечерним салютом акт выступления народных коллективов по причине того, что я тоже стал участником этого действия. Но предпраздничное настроение ощущалось не только по красному свету улицы: из какого-то окна играла гармошка – «Бьется в тесной печурке огонь». Эта простенькая музыка брала прямо за душу, от чего праздник и сейчас отмечают со слезами на глазах. У меня вдруг появилось желание победить завтра, конечно, это не врага победить, и не немца, а своего же сверстника с русской фамилией Борисов.

Красивый кинотеатр, построенный к пятидесятилетию революции и этой дате посвященный, встретил меня двумя афишами. Одна из них была «А зори здесь тихие», а вторая – «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Книгу, написанную Даниэлем Дефо в XVIII веке, я перечитывал несколько раз, наверное, с тех пор как вообще научился читать. Тогда я, конечно, не понимал, что она не об одиночестве, а о нравственном перерождении человека, но мне и без этого понимания все было остро и интересно. Я выбрал этот фильм – хотелось увидеть, как это все воплотил режиссер, снявший когда-то «Вертикаль». Фильм понравился, от английского автора там осталось немного, но воплощено было поучительно. Ну и конечно, это была не главная роль

Куравлева, в главных своих ролях этот прекрасный актер снимется позже у Данелии и Гайдая. После сеанса я не прошел мимо Дворца культуры. Борисов, ожидаемо, без проблем выиграл оба боя. А в фойе, на большой программе праздничного концерта, ровно, но как-то безграмотно подписали наши фамилии, с пометкой, что лучшие боксеры будут драться за победу. Хотелось им, чтобы созвучна с праздником была фраза. А после нас – уже застолье, а потом салют из всех доступных орудий. Николая Максимовича не было, мальчишки демонтировали ринг и, гремя цепями, тащили его в сторону зрительного зала. Там в конце вечера, при закрытом занавесе, пока будут публику развлекать юмором, соберут ринг, который уже будет готов к приему бойцов. «Рислинг» и «Ркацителители» в буфет завезли, видимо, еще в обед. «Нашенские», похоже, ими и отоваривали свои талоны на питание и активно разминались, готовясь к завтрашнему заключительному мероприятию. Увидев меня, они начали выкрикивать советы, ибо им пришлось увидеть, как работает мой завтрашний соперник, но ничего, кроме привычного «покажи в животик» и «накинь в голову», я не услышал. Покивал и ушел, им приходилось кивать, было понятно: если отличусь на поприще бокса, то они от меня не отстанут, пока я не стану им подобен. Но меня от них отталкивали прочитанные книги и хоть небольшой, но опыт пребывания в зарешеченном пространстве.

На входе в здание мне свезло: в «ПАЗик» грузили какие-то лишние транспаранты и собирались их везти во Дворец спорта, а это прямо у моего дома. Транспаранты были красные, но не в сегодняшнюю тему: там было что-то про ум, честь, совесть и тому подобное. В автобусе со мной ехали еще четыре человека, и они разболтали, что завтра назад повезут еще что-то другое, только по времени было неудобно, а у меня прямо план родился – на автобусе приехать на свой финал. Ехали бойко, шофер тоже спешил на подготовку к празднику, проехали Сезонку и сейчас движемся в сторону анклава под названием Дамир – даешь мировую революцию. Так зовут еще один наш барачный район. У дороги школа, в которой я с превеликими трудностями все же закончил восьмилетнее обучение, был исключен из дальнейшей школьной программы и изгнан без комсомольского билета как социально-несостоявшийся. Но вот и поворот на улицу Щербакова, мостик через Малую Нефтянку, и я у расписанного в стиле соцреализма Дворца спорта, а тут три минуты ходьбы до моей калитки.

Мамы не было, она ушла на сутки в кочегарку, но я, похоже, все же волновался за результаты завтрашнего дня, коли сел перечитывать «Мексиканца» Джека Лондона. Не помню, кто подарил мне эту книгу, еще когда мне было 13; верно, после ее прочтения я и пошел искать свои приключения на ринге. Она, хоть и была в мягком дешевом переплете, но выглядела свежей, то есть не затертой.

Вообще удивительно, что издательство «УЧПЕДГИЗ» выпустило эту книгу, будто там не знали, что Джек Лондон – алкоголик, а какой это пример для молодежи? Но это ладно, но и «Робинзона Крузо» сработали в этом же издательстве. А Даниэль Дефо был точно социально несформированным, ибо, будучи пропагандистом буржуазного здравого смысла, провозгласил, что человеку не хватает мудрости успокоиться на достигнутом. Это уже совсем не «понашенски» и очень вредно. Ибо наш лозунг – «Вперед, к победе коммунизма в 1980-м году!». До этой даты оставалось уже не очень много времени, и все ждали, когда наступит этот день, чтобы каждому по потребности отломили от общего огромного пирога изобилия. В рассказе «Мексиканец» Фелипе Ривера выходил драться за деньги, которые потом отдавал революционерам, твердо считая, что где революция, там справедливость; и в том, главным, бою он победил именитого боксера во имя справедливости, которая взойдет над его родиной с победой революции. Мне тоже завтра сражаться во имя какой-то справедливости, но в чем она, я не мог углядеть, поэтому буду просто драться за Дом пионеров и своего тренера Николая Максимовича. За тот Дом пионеров, под сводом крыши которого прибита здоровенная пентаграмма в круге. Так вот, посмотрим, за кем завтра будет эта самая справедливость. Мне хватило часа, чтобы подновить в памяти сюжет рассказа, и притом еще испить чаю с черничным вареньем. Я сегодня, когда возвращался, из почтового ящика забрал местную газету малого формата в четыре страницы, и принялся за нее. Конечно, была передовица союзного значения – Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении профессиональных союзов СССР Орденом Ленина, а также Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении газеты «Правда» Орденом Октябрьской Революции. А в свете постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о введении нового всесоюзного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в СССР, местная печать пыталась комментировать предстоящий завтра праздник и все возрастающее внимание города к развитию и укреплению спорта. В статье, конечно, вспомнили и о ДСО «Трудовик», как о местном профсоюзном флагмане в развитии будущих достижений нового спортивно-патриотического движения ГТО. Значит, появятся новые ставки и полставки в «нашенском» устройстве, и они-то, конечно, будут в русле нового патриотического начинания. Из всего было понятно, что «нашенский» геморрой никто никогда лечить не будет. На развороте крупным шрифтом все жители города приглашались в 10 часов на площадь, принять участие в праздничном возложении венков к Вечному огню, а также отведать горячей солдатской каши. После того – праздничный концерт во Дворце культуры и салют. Тут же было сказано, что ожидается делегация руководства из области, что придаст празднику особый колорит. На первой полосе газеты, которая начала свою историю еще в 1929 году, были пропечатаны новые обязательства главных, как сказано в скобках,

градообразующих предприятий и отдельных передовиков. Передовиков было много, как и новых повышенных обязательств. На фото передовики выглядели обыкновенными людьми, в телогрейках и спецовках, без громадных челюстей и устремленных в будущее жестов. А на втором развороте – полный текст стихотворения К. Симонова «Я вернусь» и столбцы стихов местной поэтессы, боевые и убедительные, звучавшие примерно так:

«Пусть меня милый возьмет на войну,

Я буду за ним катить пулемет,

Но если надо будет зашить дыру и постирать,

Мне это тоже подойдет».

Последняя страница была самая информативная: объявления о приеме на работу, сразу с режимом работы, окладом и разными надбавками, а также возможными льготами. Для нового рывка в светлое будущее и результатов, о которых придется рапортовать предстоящему XXV съезду КПСС, трудовое мозолистое тело желало свежей крови вместо той, которая уже свернулась. Еще были объявления о продаже и обмене, небольшая справка по денежно-вещевой лотерее и прогноз погоды на завтра, благоприятный. Потом еще был прошлогодний журнал «Вокруг света», на нем сон меня и сморил. Проснулся, когда было уже совсем темно, окошко было разрисовано мелкими потеками воды, на улице метелило при плюсовой температуре. Похоже, газета обманула с прогнозом, но как будет утром, угадать было нельзя. Я сходил, попугал крыс, разделся и лег уже основательно. Долго возился, прислушиваясь к порывам ветра, но все же уснул, теперь уже до утра.

Проснулся от крика на улице; на улице было уже серо и так же, как ночью, буранило. У калитки под снежными зарядами стоял полураздетый сосед и блажил в мою сторону. Он явно намерился начать праздновать, но у него не было тары сходить за пивом. Я ему вынес пустую трехлитровку, и он, обещая зайти с пивом, тихо исчез. Снег валил крупный и сырой и прилипал на любые поверхности, как горизонтальные, так и вертикальные. Когда сосед пришел из армии, я учился в первом классе, это был уже поздний май; помню хорошо его фуражку со звездой и черные погоны с танками. До этого, в зиму, умерла его мама, хорошая наша соседка, мы ее и хоронили, да вроде еще и кто-то из

месткома пришел, больше и некому было. Так что солдат вернулся в пустой дом. Его крыша имела покат на южную сторону, и он, затащив туда матрас с подушкой, постоянно валялся там, спускаясь только в дождливую погоду. Потом, с ним там же стала валяться женщина такого основательного вида и хроменькая на одну ногу. Они на этой крыше спали, читали и ели. Живут они до сих пор, он работает грузчиком на трубовозе, а она где-то инструментальщицей. Иногда он напивается и истошно орет, но более никаких гадостей не производит. Деньги он никогда не кланчил, а если и заходил за чем-нибудь, то примерно так, как сегодня.

Снег валил крупный и ложился плотной коркой на дорогу и заборы. Сосед, который пошел до «Минутки», теперь будет похож на снежного человека. Мне было еще рано собираться, я надеялся, что темп бурана снизится; у нас часто так бывало, что раскручивалось по темноте, а к утру стихало. Я разогрел макароны на сковородке и разбил туда два яйца, съел все под drobные победные марши по местному радио. Шла прямая трансляция с митинга, посвященного Дню Победы. Как возложат венки, буду собираться. По погоде народу не очень комфортно на улице, и, думаю, Дворец культуры заполнится раньше намеченного времени. А главным заполненным местом будет буфет. Автобус сегодня явно не придет, поэтому свой болоньевый престижный плащ придется оставить, перелатавшись в брезентовую куртку на цигейке, да и шапку, которая мне очень не нравилась, придется надеть. Но, как говорят русские, «По Сеньке шапка», а мексиканцы – «По Хуану сомбреро».

Стараюсь не придавать значения дергающей боли в суставе большого пальца левой руки, все-таки я локоть хорошо зацепил. Перед тем как бинтовать руки, придется хлорэтилом заливать, но его можно взять только у врача, я сам видел серую коробку на столе. Однако палец показывать нельзя: в юношеских соревнованиях это реальный повод снять меня с боя. Поэтому вся надежда на то, что Николай Максимович украдет со стола ампулу и зальет раздутый сустав. Это место у меня уже неоднократно травмировалось и всегда болезненно мешало, а вчера на старые дрожжи нарвался. Портрет Б. Лагутина, прилепленный пластилином на неровную беленую стену, казалось, подмигнул мне, но как-то невесело. Чувствую, что начинаю нервничать. Надо ехать, чтобы уши мне натерли. По радио сказали, что все двинулись к месту возложения венков, и я засобирался.

Видимость дороги была не дальше 10 метров, но холодно не было, и шаг бодрил. «Нефтянка» исходила паром, в ее русле стоял плотный вонючий туман,

встречного народа были единицы, все они спали в выходной или же были на торжествах, а может, как сосед, уже загружались. Народ толкался у «штучного», скидывался, покупал, потом считал сдачу. Видимый на базаре люд был активный и возбужденный, наверное, кто-то тосты говорил, а кто-то, верно, по традиции пил молча.

Фойе Дворца культуры уже было похоже на большую лужу. Снег до конца на крыльце не сбивался и таял уже в помещении. Все стены были завешаны рисунками на тему праздника, они были нежными и честными. Я поднялся на второй этаж в раздевалку, но там творился полный бедлам, не было даже квадратного сантиметра свободной территории. Дети раздевались, одевались, при этом кричали и делали все назло своим, здесь же толкающимся, родителям. Вход в зал был закрыт, на двери висела бумажка «Уборка». Я примостился на подоконнике в коридоре, очень скоро появился Николай Максимович, кто-то сказал ему, что я пришел. Тут я и показал ему руку, говорить ничего не пришлось. Он повел меня куда-то в комнату за сценой, комната была проходной, и по лапам там точно не постучишь, можно было только переодеться. Он меня оставил и исчез. За кулисами шла неугомонная беготня, все готовились показать себя, в комнату кто-то непрерывно заглядывал, и я уже перестал реагировать на противный скрип двери, потому тренер появился как-то неожиданно. В руке он держал свернутую в трубку газету, развернул ее, и я увидел колбу хлорэтила, но он, как факир, сразу закатал ее назад и потянул меня за собой. Следующее наше пристанище было уже ниже сцены, и там было поспокойней, как сказал Николай Максимович:

– Если только жонглеры заглянут.

Он не сообщил, где так ловко разжилась ампулой, затянул мне простым бинтом опухший сустав, сказал, что переодеваться надо будет не раньше, чем через час, и ушел. Я тоже решил не сидеть и не гонять гаммы в голове, а пошел осмотреться. За стеной валялся наш ринг, разложенный в тревожном порядке, а около него толкались несколько «нашенских» и молодежь, готовая на оперативную установку ринга на сцене. Между штор было видно зал, уже на две трети заполненный, он ровно гудел. Вокруг меня сновали танцоры, акробаты, чтецы и всякие разные люди. Самая большая толчея была на втором этаже, где находился буфет. Очередь за пирожными и «Буратино» торчала аж в коридор. Люди с улицы были голодны и ели все, что съедалось. А я тут вдруг узнал, где мой тренер так быстро выхватил дефицитный препарат. Он от меня, конечно же, побежал искать врача, чтобы ей что-то наврать и получить искомое. Врачом

была все та же красивая, смущающаяся барышня, и ее в это время охмуряли «нашенские» у гардероба. И один из охмуряющих держал ее чемодан с красным крестом и нес его до места назначения. Тут его Николай Максимович и встретил. Тот в двух словах все понял и, не нуждаясь в подробностях, тут же распотрошил ящик, благо, коробка с препаратом была вскрыта, видимо она уже кого-то потчевала этой заморозкой. По всем закоулкам здания звучала песня «День Победы». Я вышел на улицу, метель издыхала в свете фонарей. Ветер стихал, и оставшийся снег уже ровно падал на землю. Народ спешил к началу праздничного концерта. Чувствовалось, что, несмотря на погоду, у людей приподнятое настроение. Я поскользнулся пару раз на широком крыльце и вернулся внутрь. Все равно было весьма прохладно. Мне мой оппонент нигде не встретился, да и как я мог его узнать, если не видел никогда? Музыка чуть приглушили, и зазвонил звонок, приглашая на концерт, посвященный Дню Победы. Фойе и лестницы опустели, и я двинулся вниз, за сцену. Там народ сейчас притих, ожидая.

В отведенном мне углу сидели двое, в блестящих, как у русалок, костюмах, с зелеными пышными воротниками и накрашенными серебряным глазами. Это и были жонглеры. Они приветливо поздоровались и пожелали мне победы. Им, наверное, тоже надо было разминаться, и они, собрав в охапку булавы, кольца и мячики, вежливо откланялись. Оставшись в одиночестве, я принялся переодеваться. Потом вернулись жонглеры со своими принадлежностями, все свалили в угол и стали тоже переодеваться. Все это у них произошло по-быстрому, и из сказочных созданий в блестящей коже они превратились в обычных ребят. Им только осталось помыть лица, что они, наверное, и побежали делать. Их выступление закончилось, и они упорхнули отмечать праздник, по традиции, за столом.

В дверь протиснулся, толкая впереди себя черный платяной мешок, Николай Максимович. Он стал сразу его выгружать, пытаюсь быть запоздалым добрым Дедушкой Морозом. Вытащил оттуда пару первоклассных кожаных лап и совершенно новую пару черных-пречерных перчаток с очень белыми широкими шнурками. Еще была новенькая белая майка. Она плохо подходила к красным трусам, но на груди красовалась эмблема ДСО «Трудовик». Кто-то, видимо, настоял, так как Николай Максимович без особого азарта предложил ее примерить. На столик он выложил ту самую стеклянную ампулу и еще не распакованный моток эластичного бинта, бывшего тоже в приличном дефиците. Я был одет, но бинтоваться было еще рано. Тренер предложил мне самому подвигаться и убежал отслеживать, когда закроют занавес для установки ринга. Если кто-то думает, что бой с тенью – это имитация боя с воображаемым

противником, то мне всегда казалось, что это бой с воображаемым самим собой. Ты представляешь, что вот это и это у тебя получается, и стараешься убедительно для себя же это исполнить. Это упражнение хорошо греет и координирует. Я уже прилично пропотел, когда вновь заскочил тренер и сообщил, что шторы уже закрывают, и пока всех смешит юморист, будут ставить ринг. А областное начальство здесь, несмотря на нелетную погоду. Видимо, заранее приехали. Сейчас поступит команда, и люди начнут монтировать ринг, притом без грохота и матов.

Я сел на стул, Николай Максимович сломал ампулу с заморозкой и начал мне пенить шишку на левой руке. Она приобрела уже хороший размер и синюшно-красный оттенок. Содержимое ампулы пенилось на моей руке и не то чтобы принесло облегчение, но пришло реальное чувство онемения. Сейчас было важно правильно перебинтовать эту руку, чтобы она достаточно плотно легла в перчатку. Но мой тренер все это умел и проделал быстро и качественно. Перчатки надеты. Тренер надел лапы и поиграл со мной. Несмотря на свой малый рост, он на всех уровнях делал это отлично, и я никак не мог поймать его глаз. Ситуация складывалась следующим образом: согласно полуофициальной статистике, к финалу больше 70% боксеров приходят с травмами, и если у взрослых существовали всякие допущения, то у юношей снятие за невозможностью продолжения боя было обыденным событием. Если врач увидит во время боя какие-то болезненные проявления, то бой остановят, руку размотают, и тогда точно снимут, и не только из-за травмы, там мог быть и не ушиб, а трещина, или вообще перелом. Она снимет, и это будет справедливо. Я ведь не знал тогда, что Николай Максимович подослал «нашенского» к доктору. Того самого, что нес ящик. Он все равно был в курсе, и вроде бы из «нашенских» притерся к ней ближе всех. Нужно было ее мнение по поводу травмы и снятия с соревнований, потому что иногда это выглядело очень субъективно. Она ему ответила, что для нее важнее всего здоровье этих юношей, и это тоже было справедливо. И когда нас уже вызвали на ринг, он меня подтолкнул к двери, я пошел. Видимо, он действительно был сильно взволнован, так как совершал серьезный проступок. В его обязанности входило сообщить о травме, а не маскировать ее. Но он выбрал то, чего хотел я, и, забыв меня потереть, ушел, а это было совсем на него не похоже.

Сцена была залита ярким светом, ринг стоял в своей обычной геометрии, мой угол был красным, ближе к залу, который из темноты смотрел сотнями глаз в ожидании чего-то интересного. За судьейским столом все были в сборе, врач сидела за отдельным столиком, на котором стоял тот самый железный ящик с красным крестом посередине. Тренер был со мной в углу, он же сегодня и

секундант. И наконец-то начал мне тереть и комкать уши. Меня публика встретила жидкими аплодисментами, и моего оппонента точно так же. Наконец я увидел его, он легко проник на ринг, встал лицом в угол и взявшись за канаты, два раза присел и повернулся в зал, но во время представления не вскидывал приветственно руки, а лишь чуть наклонил голову. Кроме русской фамилии, у него была и соответствующая внешность. Он был подстрижен совсем не боксерски, у него были длинные русые волосы и, похоже, голубые глаза. Фигурой он был сухой, с длинными руками. Николай Максимович почему-то только сейчас, видимо из каких-то своих тренерских соображений, сообщил, что он еще и леворукий. Ко всему, он был в хорошей боксерской амуниции: голубая шелковая майка, такие же трусы с белыми полосами на бедрах, и полубоксерки с высоко торчащими из них белыми шерстяными носками. А я же – опять в своих брезентовых кедах с красными носами и черными шнурками, с утра выдранными на время из ботинок. Секундант у оппонента был тоже незнакомый, явно не из «нашенских»: уж слишком выглядел он интеллигентно. Пока председатель ДСО «Трудовик» говорил приветственную речь, мы как бы без интереса друг к другу присматривались. Если по-честному, ни чувств особых, ни волнения у меня не было. Все появилось, когда нас на центр пригласил рефери, он же главный судья соревнований. Мы коснулись друг друга перчатками, и я заперезживал. И лишь по той причине, что лицо моего соперника было открытым и доброжелательным, а взгляд был совсем не хмурым и не угрожающим расправой. А когда он по гонгу вышел из своего угла и встал в стойку, высоко подняв обе руки, то стало совершенно ясно, что это боксер, и совершенно не наших краев школы. Формула боя была молодежная, финальная: три раунда по две минуты. Первый раунд прошел по обычной схеме: ты-меня, я-тебя, левой рукой я старался даже не показывать удар. Это разведка. В перерыве Николай Максимович, обмахивая меня полотенцем и одновременно натирая уши, ни на чем не настаивал, только приговаривал:

– Все как надо, все как надо.

Во втором туре парень показал, что он леворукий: два раза мне попал через правую. Он не выцеливал, чтобы сильно ударить, а боксировал, но уже к концу раунда я увидел, что он все-таки готовит свою ударную руку. Перед атакой ее отводил назад, и тогда я ударил в разрез, и угадал. Ударил не сильно, но точно. Левая – ударная у него была очень скоростная, и нырнуть под нее или уклониться для удара я не успевал, поэтому оставалось только бить в разрез. Под самый гонг я на автомате нырнул под его заднюю руку, ударил в печень и попал. Попал хорошо, прямо болячкой в локоть.

Сидя в перерыве в своем углу, я смотрел на столик врача, пытаюсь угадать, видела ли она мою реакцию после захода в печень. Но «нашенский» был в игре и как мог ее отвлекал. Похоже, публике в зале и всем собравшимся вокруг ринга происходящее нравилось. Тренер, поливая меня водой, как-то, видимо незаметно для себя, назвал меня сынком. В третьем раунде Борисов намерился драться, на что имел основания, а главное, способности. Я опять попал в разрез, но уже сильнее. Его потрянуло, но рукой поля он не коснулся: если бы это было так, бой бы остановили. Его и остановили, но только для осмотра врача. Я и сам-то не знал, куда попал, хотя целился в челюсть. Но, стоя в нейтральном углу, видел, как красивая врач тампоном протирала ему кровь. Видимо, бровь получила рассечение. Но все обошлось, и судья продолжил бой. Все же Борисов был потрясен, если не понял причину, почему пропустил один и тот же удар. И я еще раз ударил, и опять попал. Уже точно в челюсть. Но за секунду до этого сам пропустил удар в нос. И меня опять поставили в нейтральный угол, но уже с окровавленным носом. И пока моего противника осматривал врач, рефери меня вытирал мокрым полотенцем. Парень был мало того, что мастеровитый, но еще и мужественный. Он как-то себя так показал, что ему вновь разрешили продолжить бой. А потом прозвучал финальный гонг, до которого больше ничего не случилось, Николай Максимович был доволен и опять зачем-то пытался мне тереть уши. Когда нас вывели на центр ринга объявлять победителя, я не увидел в его глазах ни злости, ни разочарования. Наверное, таких противников и уважают. В этот раз он проиграл, но не сломался, да и крови с меня пустил достаточно. А если бы я не поменял красную майку на белую, то и крови не было бы видно. В центре, в ярком свете, я стоял справа от рефери, и он мне поднял левую руку, как в песне «Мне поднял руку рефери, которой я не бил». И, наверное, это справедливо. Публика хорошо похлопала, а тренер все оглядывался, чтобы врач не ушла. Он успел меня к ней подвести, и когда сняли перчатку и размотали бинт, она задала лишь один вопрос:

– Это что, вы меня хотите убедить, что травма сегодняшняя?

Но тренер не хотел ее убеждать, он хотел прямо сейчас направление на рентген, и она его написала, правда, с угрозой, что и на Николая Максимовича напишет куда следует, но ему уже было все равно. Он был счастлив сегодняшним исходом. Потом было награждение грамотами с красными знаменами на головках, а для меня – какой-то особый подарок от председателя ДСО, завернутый в серую оберточную бумагу и перевязанный бечевкой. Николай Максимович, похоже, чего-то знал, потому что как только пошли переодеваться в комнате жонглеров, он дал побольше света и стал распаковывать сверток. Там было что-то не ожидаемое и ценное – настоящие импортные боксерки из чистой

кожи красного цвета с длиннющими белыми шнурками. Какими путями из дружественной Венгрии они сюда попали, можно было только догадываться, а что они мне достались, пацану, была вообще сказочная реальность. По глазам Николая Максимовича можно было догадаться, что когда-то он сам мечтал о таких. Они были на вырост, но и сейчас, с шерстяными носками, будут работать. Тренер сказал что-то вроде того, что меня ждет большое будущее, но если он имел в виду бокс, мне было жаль, но он ошибался.

Николай Максимович не дал мне даже пойти в душ. В фойе у гардероба было оживление, туда-сюда бегали официантки в кокошниках, видимо где-то тайно накрывали руководству, а буфетную площадку, конечно, заняли «нашенские». Тот, кто носил чемодан с красным крестом, нежно, по-джентельменски подпихивал красивую врачиху к буфетным дверям, да она, похоже, и не сильно противилась.

На улице уже смеркалось и дуло. Николай Максимович усадил меня в свой желтый «Москвич», завел его и долго прогрел мотор. Двери в старенькой машине подходили неплотно, и в щели задувало. Он повез меня в травмпункт, который, по распоряжению властей, в период скользкий и опасный работал до поздней ночи. Ехать было недалеко. Рентген определил какой-то, по словам врача, нехороший перелом. Врач хмыкал и ругался, что бродим по улице с такими болючими травмами, сделал обезболивающий укол и долго возился с гипсом, который был почему-то горячий. Когда вышли на улицу, уже совсем стемнело. Николай Максимович меня не отпустил и настоял, что повезет домой, что, мне казалось, было невозможным по таким заносам. Но он оказался рискованным, но хорошим водителем, и мы доехали до Дворца спорта. Мы почти не разговаривали, а он по ходу движения довольно искусно матерился. Когда я выходил, раздались первые залпы праздничного салюта. Николай Максимович еще раз назвал меня сыном и что-то сунул в карман брезентовой куртки. Только дома я увидел, что это была пачка рублевых денег, прямо в банковской упаковке. Всего их было 100. Видимо, тренер отдал мне всю премию от ДСО «Трудовик». А было ли это справедливо? Но я знал, как этому обрадуется мама, а потому не стал глубже рассуждать. Вот такой у меня получился День Победы в 17 лет.

А с рукой вышло совсем непросто: гипс запретили снимать строжайшим образом. Ослушание грозило деформацией костей кисти и инвалидностью. Вот так, одной рукой, я помогал маме монтировать подпорки под совсем упавший забор и, как мог, хозяйствовал в огороде, но понятно, что с такой травмой пользы от меня

было немного. В середине лета мне гипс заменили лангетом, вроде как все срасталось в правильных плоскостях. За это время произошли разные события, и главным из них было происшествие, случившееся уже во второй половине июля на том самом рынке, который был межой между новым и старым.

Тогда было обеденное время теплого летнего дня. «Нашенские», толпой отстучав по лапам и мешкам во Дворце спорта, двигались в новый город. Дойдя до базара, завалились в «штучный» отдел взять горячительного, а потом навестить своих знакомых и незнакомых в ЦПХ, сиречь женском общежитии. И пока они толпились возле «штучного», определяя свои финансовые возможности для покупки водки, один из них, по весу тяжеловес, а по манере поведения «дайте мне за уважение», решил, видно, пойти в место сладострастного отдыха с букетом цветов. С цветами стояли несколько бабушек в торговом ряду. Исходя из своего бычьего отношения ко всем и ко всему и луженой глотки, покупать цветы он явно не собирался. А бабушки, по своему воспитанию и наивности, его воспринимали покупателем и потряхивали букетики. И тут ему на глаза попался маленький кучерявенький мужичок с ведром свежих белых и бордовых георгинов, которые он только что принес и поставил на прилавок, чтобы бабушка торговала. «Нашенский» вцепился в ведро со словами:

- Ну-ка, мамаша, выдай букетик за уважение.

Женщина ответила, что букет денег стоит, и потянула ведро на себя, но здоровый дяденька отпихнул ее со словами:

- Сейчас все заберу, спекулянтка вонючая!

После этого события стали развиваться стремительно. Оказалось, что тот кучерявый мужичок, что принес цветы на продажу, был авторитетом из Сезонки, а женщина, на которую напал «нашенский» - его матерью. Авторитета звали Валера, а дразнили Лешим. На прилавке торгового ряда лежал большой кухонный нож для подрезки цветов в собранных букетах, так вот этот нож в мгновение ока оказался внутри «нашенского» товарища, и был туда загнан с такой яростью, что вошел с ручкой и достал до самых жизненных органов. Так вот, тот, кто привык, что ему давали за уважение, вероятно, где-то в женском общежитии, или водки наливали в пивбаре, упал замертво к ногам оторопевшей женщины. Ведро с цветами опрокинулось, и они художественно улеглись на его груди. Леший сразу исчез, а «нашенского» через некоторое время увезли на труповозке. Разговоров было много, и они все были в разных цветах и оттенках.

В свой первый визит, еще в лангете, во Дворец спорта, я увидел его портрет с черной полосой, который стоял на тумбочке у буфетной стойки. На фото тот был, как и в жизни, – нахмуренный и с раздутыми ноздрями. Поминали его долго. В местной газете вышла заметка, по мне, так похожая на фельетон. Называлась она «Смерть на фоне правопорядка», и смысл ее состоял в том, что спортивный инструктор ДСО «Трудовик», дружинник, активист пытался препятствовать незаконной торговле и был зверски убит уголовниками. Хоронили его в красном гробу и под завывания духового оркестра. А Лешего так и не нашли в трущобах Сезонки.

Мне исполнилось 18 лет. В армию нас забирали поздней осенью, ближе к ноябрьским праздникам. Еще было время, его надо было как-то заполнить. Я пошел в Дом пионеров к Николаю Максимовичу с целью начать потихоньку тренироваться и был встречен необъяснимо прохладно. Тренер, вроде и был доброжелательным, но пытался как-то отстраняться, под предлогом, что он меня уже ничему научить не может, что было совершенной неправдой. А еще, что мне уже 18 лет, и меня затребовали обратно во Дворец спорта. Он меня отправлял к «нашенским», но вид у него был такой, что вроде как он меня хоронит. Это было не лукавство тренера, это была политика тех, кто платит и содержит. Они за эти деньги и музыку заказывали, иногда и похоронную.

У меня была возможность просто никуда не пойти, сославшись на травму, но я пошел, вроде как руководствуясь мыслью отработать те талоны на питание от ДСО «Трудовик» и не дать засохнуть замечательным красным боксеркам. И картинка в фильмоскопе провернулась. Я потихоньку стал принимать предложенные правила и погружаться в ту, кривую, реальность. Первое – я перестал бегать по утрам. Чтобы стоять в коротеньких спаррингах с дяденьками, у которых лишний вес, не надо было иметь хорошей дыхалки. А их огромное самомнение диктовало, что у них плюха – самая сильная, и они ее всегда стремились реализовать, что, как правило, плохо получалось. Но если они пропускали сами, то злоба была нескрываемая. Их самым любимым занятием было бить мешок в одно и то же место, пока кирза не лопалась. Им это казалось свидетельством совершенства. А «нашенскими» они называли друг друга сами. По количеству их было человек 25, из них 15 были действительными членами, а остальные – приходящие кандидаты без права голоса. Но я и без кандидатского стажа сразу попал в основной состав и был принят в ДСО «Трудовик» в качестве основного инструктора. Они все были членами ДНД – добровольной народной дружины при ДСО «Трудовик», но в практическом смысле это было нечто другое.

В уже далекие времена, 2-го марта 1959-го года, в СССР были созданы добровольные народные дружины – ДНД, которые должны были оказывать помощь государственным и правоохранительным органам в охране общественного порядка в городах, коллективных хозяйствах и домоуправлениях. А также проводить воспитательную работу среди населения. В своей деятельности дружины получали помощь со стороны государства, комсомольских, партийных и профсоюзных организаций. На нашей территории, после того как на ней была ликвидирована сначала концессия, а потом и лагерная система управления нефтедобычей, правопорядок остро нуждался в свежих силах по удержанию населения в узде лозунга «Работай и не ропщи, твои дети будут жить при коммунизме». В 60-х годах на местном уровне решили, что лучше всего с такой задачей справятся профсоюзы, и поручено было вести эту работу добровольному спортивному обществу «Трудовик», собрав «нашенских» в боксерских кружках в рамках профсоюзного общества. Но со временем эта дружина стала сама определять для себя круг обязанностей. Они были похожи на утвержденные еще в 1927-м году НКВД СССР инструкции для общественных исполнителей:

- оказание помощи органам поддержания общественного порядка в борьбе с уголовной преступностью;
- содействие должностным лицам при исполнении ими своих обязанностей;
- наблюдение за порядком на ярмарках и базарах.

Весь этот БРИГАДМИЛ просуществовал до 1958-го года, но «нашенские» позаимствовали правила своего поведения из еще более ранней практики, которая применялась в ходе восстания в Москве в 1905-м году, когда добровольные дружины участвовали в наведении порядка. «Нашенские», конечно, были не крайне правыми черносотенцами, а, скорее, крайне левыми. Начальникам во всех инстанциях нравилось такое положение. Крепкий кулак всегда был рядом, и начальство старалось хорошо финансировать и всячески помогать этому милицейско-спортивно-патриотическому объединению. Те, кто не был инструкторами в ДСО «Трудовик», на работе находились в постоянных отгулах, но во всех премиальных отчислениях активно участвовали и, соответственно, регулярно поощрялись по профсоюзной линии.

Как-то быстро, но не очень заметно для себя, я из спортсмена начал превращаться в молодого «нашенского». Максим Николаевич теперь при

встречах старался отделаться общими приветствиями и пожеланиями беречь больную руку. А рука, кстати, быстро восстанавливалась и стала полноценной участницей сегодняшнего образа жизни. Фотографию зверски убитого дружинника по прозвищу «Дай за уважение» убрали с буфетной стойки куда-то в ящик. Подобных дружинников было много, и никто уже по убиенному не страдал. Такая она, наверное, справедливость. Меня сразу же оформили инструктором в ДСО, благо ставка освободилась, и поставили в очередь на улучшение жилищных условий. Ставка, за исключением надбавки за выслугу лет, была такая же, как у мамы, она хоть и не понимала смысла моей работы, но была рада, что ее сын сам уже зарабатывает. Я, честно, не понимал, что собираюсь делать и чем жить. Время было летнее, и сейчас общественно-массовых мероприятий в городе было мало, поэтому «нашенских» задействовали не очень много, а большая их часть разъехалась по профсоюзным здравницам. Те, кто остался, выполняли мелкие поручения начальства, вроде как поговорить, а если плохо слышит, то по рылу. Вот в один такой рейд дружинников был задействован и я, благо, пока на вторых ролях, стажерских.

В то воскресенье прямо к крыльцу Дворца спорта подкатила «Волга» с водителем, вертлявым и лохматым. Я смутно понимал, в чем проблема, но вроде как надо было кого-то вразумить за оскорбление женщины. С тем и подъехали к пятиэтажке, позвонили в дверь микродвушки хрущевского разлива, завалились все вчетвером в прихожую, в том числе и вертлявый шофер. Первый из нас был с красной книжкой члена ДНД. Открывший мужчина был subtilной наружности, которую подчеркивала изрядно застиранная и помятая майка, бывшая некогда голубой. Пока несколько секунд первый из «нашенских» объяснялся с мужчиной, мне стало понятно, в чем суть. Этот, в майке, был водителем трубовоза. Это когда ЗИЛ-131 тащил на полуприцепе несколько связок шестиметровых толстостенных труб. Все это длилось сутками, по болотам, и после разгрузки он возвращался назад, в город, опять под загрузку. И в городе на какой-то яме прицеп подпрыгнул и обрызгал проходящую мимо гражданку, а они с грузчиком уже были безвылазно в кабине неделю и даже этого не заметили, и через три минуты остановились у магазина, чтобы купить «сугрев». Вроде как к ним подошла эта гражданка и сделала им замечание, а он на нее вроде как замахнулся и что-то обидное сказал. «Нашенские» поняли, что это тот самый, и его последними словами было, что она сама, первая, начала их материть. На слове «материть» «нашенский» левым хуком залепил ему в челюсть, тот рухнул на пол, рот его был окровавлен. Протиснулся вертлявый шофер и злобно пнул лежащего. И тут случилось продолжение. Из комнаты, с детским стульчиком ножками вперед, выскочил мужик, тоже в майке и не очень мускулистый, с красным обветренным лицом. Это был тот самый грузчик с

трубовоза, который утром, в метель, приходил ко мне за пустой банкой. Он кричал, что был рядом и все слышал и видел, но второй из «нашенских» правой «боковухой», как по кирзовому мешку, вlepил ему в левое ухо прям через стул. Тот рухнул на колени с открытыми бездумными глазами. Убедившись, что все получили, мы стали уходить, но вдруг в глубине комнаты раздался детский плач. Когда ехали назад, «нашенские» молчали, а вертлявый шофер болтал без конца. Из этой болтовни я, наконец, понял, за кого мы ездили спрашивать, и чей зад возит эта служебная «Волга». Я был наслышан об этих персонах, где папа – ответственный работник исполкома, а мама – зам. начальника Горторга, а их дочка, которая и попала под брызги из-под колеса – наглая и беспросветная дура. Однажды мне случилось с ней пообщаться, и не дай Бог еще раз. Пройдет, наверное, неделя, когда я лицом к лицу в проулке столкнусь со своим соседом. Он как-то незрячими глазами посмотрел на меня и совсем безучастно спросил:

– Что, сосед, ты теперь с блядами? Хорошо, что отец твой не дожил.

И он пошел в свой дом, туда, где его ждала хромоножка. И я пошел домой, отдыхать после трудового дня. Тренируй «плюху», и она пригодится – вот такая справедливость. Я помаленьку привыкал к своему новому статусу, правда, во вкус еще не вошел. Но меня уже активно учили жить «правильно».

Прошел месяц, и уже макушка лета. Осенью для меня неизбежно придет армия, но возвращаться мне теперь будет куда. Я уже буду возрастным и натасканным. За этот месяц было одно массовое мероприятие, наподобие русского кулачного боя стенка на стенку.

Восемнадцатилетний мальчик Коля, для которого папа уже заготовил белый билет по причине плоскостопия, в субботу за завтраком был очень грустным. Он всегда ходил в городской парк на танцы, а вчера вернулся расстроенный, оттого плохо спал, был без аппетита и жаловался на мигрень. Мама его уже и так, и эдак, и компресс, и таблетки, и даже растерла ему виски дефицитной «Золотой звездой» корейского производства, которая нещадно воняла. Улучшение не наступало, хотя «Золотой звезды» извели полбанки, и она даже своим запахом наследила на горячих блинчиках с первой горбушовой икрой. Их мальчик был рослым, крепким, скорым на язык, но сейчас чем-то сильно встревожен, и своим видом это показывал. Он один раз только откусил от блина, икра посыпалась на тарелку, Коленька раздраженно бросил блин и ушел в свою комнату. Папа с мамой остались встревоженными, у мамы были уже красные глаза, и она начала чуть похлюпывать носом. Папа знал, что в таком состоянии она обязательно

сейчас что-нибудь выдаст, так и получилось. Мама поднесла к глазам краешек расписанного петухами полотенца и сказала:

- Ты никогда не мог до него достучаться!

Для нее, когда-то выпускницы музыкального училища и дочки партийного работника, эта фраза была очень длинной и энергоемкой. Она никогда не противилась мужу, да и как можно было возражать человеку, который состоит на должности охранителя социалистической законности? А когда она утром, у окна, видела, как ее муж, в наглаженном мундире, из подъезда выходит к своей персональной черной «Волге», она всегда была прямо в волнениях. А вот сейчас она предчувствовала какую-то нежданную беду. Но муж, по своей специальности, умел располагать к себе и допрашивать, и он, запахнув халат, пошел в комнату своего наследника и, конечно же, восприимчика. А мама нервно убирала то, что было завтраком, то и дело скользя по мягкому ковру к двери, стараясь прислушиваться, но там что-то непонятно бурчали. Потом Коленька что-то нервно выкрикивал, а потом опять бурчали. Мама дважды кипятила самовар в ожидании мужа, а он вышел из комнаты, воткнул вилку в розетку и сел смотреть телевизор. С экрана голосом Кобзона завершилась какая-то серия утреннего показа сериала «17 мгновений весны». Кобзон пел о верности, чести и достоинстве. Муж молча пересел за обеденный стол и попросил коньяка. Все было сразу исполнено, да еще и блюдечко с подслащенным лимоном. Он выпил и начал делиться тем, что понял из слов Коленьки. И первое, что он поведал, – что у Коли появилась девочка. Где он с ней познакомился, и из какой она семьи, не рассказал, но было понятно, что она ему очень нравится. Вчера они с ней днем сходили в кино, а вечером договорились встретиться на танцах в городском парке, и встретились. Мама от таких вестей совсем разволновалась, а папа проглотил еще одну рюмку коньяка. Тот был что надо, французским, но тоже, казалось, отдавал «Золотой звездой». Наверное, это было от рук жены, которая поддерживала рюмку и наливала, так как эта вонь плохо смывалась с рук.

Папа продолжил свой тревожный рассказ. Они встретились на танцах, но после первого же медленного танца к нему подошли двое, возможно, выпивших, и в грубой форме предъявили ультиматум, что, если он еще раз подойдет к этой девушке, то рыло (так и сказали!) будет разбито. Дальше мама уже не могла слушать, она вбежала в комнату сына и стала плакать, глядя его по головке и говоря всякие утешительные слова, что они будут бороться за его девушку, если она, конечно, того стоит. На эти слова Колечка отреагировал бурно и отшвырнул ее утешающую руку. Она вернулась назад за стол, муж еще выпил, и сейчас его

скривило от, видимо, недостаточно подслащенного лимона. Муж рассказал, что было дальше. Сын, с его слов, стал огрызаться, и пообещал привести своих друзей, которые разберутся с нападающими. Так вот, эти разборки назначили на сегодня, на 21 час, у танцплощадки, под щитом «Берегите лес от пожаров». А папа с мамой точно знали, что у Коленьки никогда не было никаких друзей, и они всегда сами за это боролись, убеждали его, что дружить можно только с равными себе. А где их, равных, наберешь? Мама начала настаивать на звонке начальнику городской милиции, надо было восстановить справедливость! Но папа еще не закончил рассказ, который поведал ему сын. Так вот, оказывается, Коленька до конца танцев прятался в кустах стланика и наблюдал, как к концу вечера его избранница, смеясь, ушла в компании этих наглецов. Это его добило окончательно, и он пошел домой, бесславный и отвергнутый. Звонить начальнику милиции он, конечно, не станет. В происходящем не было никакого юридического смысла, и поэтому решение этой проблемы лежало где-то не в правовой плоскости. Но он позвонил домой Председателю местного Совета депутатов, и тот без всяких демагогических рассуждений сказал, что сегодня в 21 час под щитом «Берегите лес от пожаров» вопрос будет решен по самой надежной схеме. Тот, хоть и был болтун и враль, но для прокурора города он не мог пообещать и не сделать. Папа чуть успокоился и стал маму успокаивать, а Коленька все страдал в своей комнате при закрытой двери.

В 20:30 пятеро «нашенских», и я – шестой, были уже в зоне видимости щита «Берегите лес от пожаров». Мы сегодня в роли вновь обретенных Колиных друзей, то есть друзья прокурора. Один из «нашенских» подошел к дежурившим тут двум милиционерам. После короткого разговора он им показал далеко в сторону, и те услужливо туда зашагали, стуча подковами на сапогах. Мы же, для большей конспирации, сидели на корточках, на манер уголовников. «Нашенские» были настроены и размяты. Где-то в десятке метров от щита, прямо у штакетника танцплощадки, толкалась небольшая группа лохматой молодежи в цветастых рубашках с воротниками-ушами и в клешах. Мне очень не хотелось думать, что это наши злодеи, те пацаны, похоже, были еще старшеклассниками. Но механизм уже запущен, и акция должна быть исполнена. В 21 час, минута в минуту, под щитом появился, похоже, наш оппонент, такой же лохматый, в яркой оранжевой рубашке, в клешах. Те, что стояли у забора, двинулись тоже под щит. Их оказалось как нас – 6 человек, но этот паритет был явно не в их пользу. Они все быстро попадали, их били так, что, верно, без последствий это не осталось. Один мальчишка пытался встать с земли, он был в полубморочном состоянии. Так вот, Николаша со всей дури зарядил ему ногой в лицо и ударил бы второй раз, если бы я его не оттолкнул. А в ближайших кустах был виден блеск кокард на милицейских фуражках. Сейчас

мы уйдем, а они потащат этих детей в пункт правопорядка, спрашивать с них за правонарушение. После «избиения младенцев» «нашенские» куда-то двинулись, а мне очень хотелось узнать, как там у Штирлица с Мюллером закончилось.

В доме у нас стоял черно-белый «Горизонт». Мы его не смотрели по причине сломанной антенны, а вот вчера я сделал антенну из сломанной раскладушки, установил на крышу. Она упала, но все же показывала, благо, что дом стоял на бугре. Я кое-где подмотал провод синей изоляцией, и стало показывать, не очень, конечно, но понятно. На Штирлица я опоздал, но успел на субботнюю передачу «А ну-ка, девушки!».

Но история с Николашей для меня еще не кончилась, папаша евонный поручил еще пару танцев за ним присмотреть. Выбор, конечно, пал на меня. В следующую субботу и воскресенье я дежурил на танцплощадке, пока мальчик тряс гривой и кривлялся. Чувствуя за собой такого друга, как я, он вел себя совсем отвязно. Но ни побитые больше не появлялись, ни та девочка, которую возжелал сынок большого начальника.

У «нашенских» не всегда все гладко проходило. Притча про Леву с уст не сходила с прошлого лета. Ее вспоминали и под пиво, и под водку, в разных интерпретациях. Лева – здоровый парень, когда-то где-то на материке в тяжелом весе вроде пару раз выходил на ринг. Пришел сюда он по неизвестным причинам. Он где-то работал на узкоколейке и был из первых, кто рвал мешки, то есть у него была та самая «плюха». Дразнили его Лева Пробитый, он нечетко изъяснялся и, бывало, головой потряхивал. Но не злился, и под пиво свою историю сам охотно и рассказывал.

Ну, а дело было так: в Сезонке, как видно из названия, построенной на один сезон, в первом ряду сверху, во втором бараче проживал один тип, который беспокоил общественность, и усмирить его поручили Лева Пробитому, он в то время где-то пути рядом ремонтировал. Задание было самое простое – вызвать на улицу, ничего не объяснять и вдарить с шажком вперед с правой. Чтобы только не перепутал! Фамилия и имя типа были неизвестны, только кличка – Батюшка, да что у него на двери прибит деревянный крест, и вроде как он и не блатной, но собрал какую-то общину. Участкового туда отправляли, но Батюшка пригрозил ему проклятием, и он боится туда снова идти. Но, конечно, таким проклятием Леву Пробитого было не запугать, и он пошел туда в обеденный перерыв, даже не сняв грязной спецовки. У входа в обозначенный барак, в малюсеньком палисаднике, стоял здоровый мужик с бородой, в каком-то черном

платье, а на груди у него был крест на веревке. Лева Пробитый сразу и промыслил, что это и есть искомый Батюшка. Повезло, подумалось ему, даже на улицу не придется вытаскивать. Он прямо и спросил:

- Это ты будешь Батюшка?

Тот отставил лопату и ответил так:

- Да, сынок, Божьей милостью стараюсь слово Господне донести.

И Лева Пробитый поплыл. Нет, чтобы сделать шаг вперед и зарядить с правой, он начал разговаривать. Так как сам говорил очень плохо и совсем без мата не мог, то уже через минуту Батюшка закричал:

- Изыди, Сатана! - и схватился за лопату.

В эту самую минуту к ним со всех сторон побежали старушки, видимо активные участницы группировки «Община». Лева Пробитый все-таки попытался ударить через торчашую в его сторону лопату, но промахнулся, и в одночасье вынужден был отступить. Примечательно в этой истории то, что Леву Пробитого расписали в местной газете как передовика производства, подвергнувшегося нападкам религиозных экстремистов. Эта заметка заканчивалась восклицанием «Когда, наконец, закончится это религиозное мракобесие, и мы будем дышать свободно»? Получалось, что свободы кругом было - завались, только мракобесы не давали ее вдыхать.

Детей в соседнем, маленьком, зале «нашенские» тренировали по очереди. Ребята с замиранием сердца прислушивались, как за стенкой взрослые мастера лупят снаряды. Когда я смотрел на этих пацанов с барачных участков и видел, как они рвутся получить перчатки, хоть рваные, хоть грязные, я желал им никогда их не получить.

Сегодня воскресенье, мама подкопала на огороде молодой картошки, мелкой и красной, сварила ее прямо в кожуре, которая на картошке вся растопырилась. Все это было под постным маслом, да еще со своим укропчиком и, поверьте, очень вкусно. А между тем, приближался день получки, и мне чуть ли не каждый напоминал, что придется с этой получки проставиться, и не просто так, в буфете Дворца спорта, а по-настоящему. Как это, я не знал, но коли сказали, в

следующий четверг, значит, в бане. Как всегда, послали двух на полчаса раньше, запугать банщика тем, что предложат ему подвигаться по очкам и расчистить для остальных поляну под свежую бочку пива.

В среду, после обеда, я пришел в контору ДСО «Трудовик» за вожделенной зарплатой. В конторе была одна секретарша по имени Лола Евгеньевна. Ей было глубоко за 30, она была роста среднего, не худая и не толстая. Я уже много чего про нее наслушался от «нашенских», которые ее при каждом удобном случае обмусоливали в своих скабресных разговорах. Она, конечно же, была в очень близких отношениях с шефом, который выделил ей небольшую служебную квартиру, и сейчас трудилась не покладая рук, чтобы эту квартиру на себя оформить, и притом улучшить жилищные условия. Но те, кто отвечал за улучшение жилплощади, были, как правило, дряхлыми и давно женатыми, поэтому она между делом привечала и молодых. Боюсь, что я тоже был замечен.

Она усадила меня за приставной столик, а сама уселась боком на маленький диванчик, что стоял напротив, и так закинула ногу на ногу, что стала похожа на актрису из зарубежного фильма 16+. Я хотел сказать, зачем пришел, но она перебила, поведав, что, хотя нет бухгалтерии, для меня все приготовлено. Потом, потряхивая грудями, стала рассказывать, как ей понравился мой поединок на сцене Дворца культуры, при этом еще и кинулась ощупывать мою руку с переломом. К моему неудовольствию, вся эта история с переломом в подробностях обсуждалась. Лола Евгеньевна открыла ящик стола и достала оттуда коробку, после чего настойчиво потребовала, чтобы я закрыл глаза. Я не закрывал, она кокетливо обозвала меня злючкой и достала оттуда значок перворазрядника по боксу. Это был максимум, который мне мог дать ДСО «Трудовик». Женщина начала пытаться пристегнуть на меня этот значок, при этом пританцовывая бедрами и трясая грудью. В таких приемах я вообще был не искушен, и потому на меня это действовало затравочно. Я забрал значок и спрятал его в карман. Во втором акте она достала из стола бумажный сверток, в котором была моя зарплата. Это был рыжий брусок рублей в банковской упаковке, как тот, что мне весной подарил Николай Максимович. До меня уже доходили слухи, что он сильно болел. Я вроде и хотел навестить его, но то ли не знал куда идти, то ли не сильно рвался, то ли стыдился, что быстро оставил его, да помимо того, еще и вес набрал, а он бы это сразу заметил. К 100 рублям еще были 4 синие пятерки и 68 копеек. В довесок Лола Евгеньевна дала мне целый лист талонов, на которые можно было отовариваться в любой местной столовой. Напоследок она предложила чаю с конфетами. Я отказался. После этого она стала совсем откровенной, и наша встреча закончилась фразой, что если я позвоню ей на рабочий телефон и предупрежу, то она обязательно пригласит

меня к себе на настоящий индийский чай в гости.

Маленький брусочек в 100 рублей я отдал маме, она меня обняла и опять же где-то про себя поплакала, а я надеялся, что 20 рублей и 68 копеек мне хватит проставиться. Только 68 копеек – это целые три кружки пива. В этот же день я у барачников купил две свежекопченые горбуши за два рубля. Водку же задумал приобрести в том самом «штучном» на базаре, который был мне по дороге. Вчера мне сказали «нашенские», что помимо того, что проставляюсь, я еще и прописываюсь. Все становилось еще более запутанным. А еще больше запуталось все именно в среду, на вечерней тренировке, перед банным четвергом. Тогда я вышел на ринг с одной из «нашенских» дурмашин, разница в весе у нас была не менее 40 килограмм. Тот вышел, как обычно, подвигаться. И, как принято, он все время порывался ударить посильнее, но я изловчился и попал ему в бороду. Он опустил руки, потряс бычьей головой и сказал:

– Все, финиш.

Мы стукнулись перчатками. Этот жест всегда означал окончание поединка. Как только я полуотвернулся, он меня ударил в голову, явно хотел очень сильно вложиться, но его удар пришелся вскользь. Видимо, я неплохо попал минутой назад. Я не упал, но на несколько секунд потерялся. А эта дурмашина начала развязывать зубами узлы на перчатках и приговаривать:

– Никогда не расслабляйся, молодой, а то схавают.

Я смотрел, что всем окружающим было наплевать на происходящее, да и я не искал сторонников и сочувствующих, и это тоже справедливо, наверное.

Простава была назначена на 17 часов. Если кто-то из «нашенских» где-то и работал, то имел в четверг право на укороченный день по причине того, что у него обязательная баня. И руководство предприятий шло на поводу и отпускало их. Около 17 часов в четверг я замотал обе рыбы в газеты, положил этот сверток в авоську и пошел через марь по скрипучему тротуару. Там за мной увязались две совсем безродные собаки, но, наверное, они привязались не ко мне, а к духу свежего копчения. Настроение у меня было так себе, но и особого беспокойства я не испытывал. На базаре у «штучного» толкался все тот же бездомный люд, вонючий и зассанный. Из самого магазина их гнали, поэтому они стояли, подпирая стену. Если честно, водку я уже дважды пробовал, но сам покупал, да еще в

таком количестве, первый раз. Загрузил в сетчатую авоську пять бутылок «Московской», что с белыми бескозырками, и ушел под грустные взгляды людей, по разным обстоятельствам выброшенных из так называемой нормальной жизни.

Собаки отстали, бутылки позванивали под мой ровный, уверенный шаг. «Нашенские» уже прибывали, банщик с потными щеками готовил кабинки, раскладывал простыни. Тут я узнал, что мы в баню могли ходить по талонам в силу каких-то профсоюзных договоренностей. В примыкающей к раздевалке комнате, вроде для отдыха, был буфет. «Нашенские» сдвинули три стола, на которые я выставил водку и положил рыбу. «Нашенские» принялись мять ее руками и нюхать, одобритительно бухтя.

За стойкой стоял большой самовар, судя по всему, он никогда не работал. Под стойкой буфета стояла бочка, из бочки через стойку выходила никелированная трубка, которая венчалась большим краном со здоровой ручкой. Это был источник пива под названием «Жигули». В витрину на продажу были выставлены бутерброды с плавленым сыром «Дружба», вареные яйца и консервы из частичковой рыбы, и те самые пирожные «Кольцо». Но, в общем, был ассортимент для распития горячительных напитков. Буфетчицы почему-то все похожи друг на друга, маленькие, толстые, в мелких кучеряшках и с красной помадой. Эта взялась рыбу резать, а мы пошли в моечную, погреметь тазиками.

У дверей в парилку собиралась партия клиентов под свежий пар. Было заметно, что простой люд нас сторонится, старается даже свои тазики рядом с нашими не ставить. После трех минут в парилке, где температура в момент становилась как на поверхности Венеры, все прошлепали в буфет. Кое-кто уже разминался пивом, и одну бутылку кто-то уже открыл. Для водки не было отдельной посуды, допивали пиво и наливали водку, а кто-то прямо в пиво наливал водку, в эти здоровенные тяжелые кружки. Мне налили точно по такой же схеме и ревностно смотрели, чтобы я не филонил, – учили молодого. Наконец-то на какой-то клеенке притащили резаную рыбу. Темп распития ускорился, потом я еще раз вроде как заходил в парилку и старался облиться побольше холодной водой, такими водными процедурами баловались все «нашенские», только они еще успевали задеть окружающих и показать им свои зубы. Пить заставили и банщика, только буфетчица в равную с ними огрызалась и водку употреблять не стала. Я сидел в мокрой простыне с пустой головой, в которую приходили совершенно непримиримые мысли, что было бы хорошо пойти сейчас на чашечку индийского чая из банки к Лоле Евгеньевне, но до попытки реализовать этот план не дошло. После двухчасовой интенсивной пьянки все стали разбредаться.

Банщику, видимо авансом, все же дали оплеуху, и еще одному врезали, который трижды выдвигал требование сильно не орать. Думаю, все двинулись в ЦПХ, а меня не взяли, но я, похоже, и не просился.

Оказавшись на своем привычном маршруте, в сторону дома я двигался на автомате и где-то уже на тротуаре через марь увидел тех двух беспородных собак, которые трусили сзади. Мне главное было попадать в площадь тротуара и не идти по раскисшим торфяным кочкам. На мосту через «Нефтянку» я немного постоял, любясь рельефами, и пошел в гору к своей калитке. Кто-то мне на этом пути встретился, и вроде это был опять тот самый сосед – грузчик с трубовоза. Собаки довели меня прямо до калитки. На счастье, мама была на дежурстве. Увидев, что собаки устроились у калитки, я вывалил макароны со сковородки и отнес им. Потом стал раздеваться. В кармане брюк, к удивлению, остались два рубля и мелочь. Так состоялась моя прописка и проставка. А руки у меня воняли, как будто копченые. Под этот запах я и вырубился. Последнее, что я помнил, – что вместе со всеми курил «Беломор», от рук воняло еще и этими впечатлениями.

Но эта банная вечеря, как оказалось, совсем еще не закончилась, и продолжение ее началось сразу на следующий день, как только большинство собралось в зале Дворца спорта. Я теперь стал отчетливо понимать, почему многие с утра бывают хмурыми, ибо был тоже не очень весел. Но тогда существовало мнение, что все это надо выгонять потом, поэтому я тоже начал подпрыгивать, стучать во что попало и даже повоевал с тенью врага.

Среди «нашенских» был нерусский, которого звали Абас, но на деле его дразнили Абдуллой, что в переводе с персидского означает «раб божий». Мне кажется, это прозвище к нему приклеилось после 1970-го года, и оно было заимствовано из фильма «Белое солнце пустыни». На манер того, черного Абдуллы, он тоже отрастил себе бороду, но без усов, и сам себя называл Абдуллой, вот с таким прозвищем и остался. Так вот, Абдулла, видимо, тоже мечтал о гареме, а потому любая хорошенькая женщина рядом с другим виделась ему как личное оскорбление. Боксером он был никаким, хотя вроде когда-то в юношах и занимался, зато был большой мастер нагнать жути. Зубы у него были редкие и заостренные, и улыбкой он мог нагнать ужас на слабонервных. И болтать он был мастер, особенно, когда сам себя хвалил. Так вот, в продолжение нашей вчерашней гулянки по поводу проставы и прописки, к нам на синем «Москвиче» приехали два мента – лейтенант в форме мышиного цвета и человек в штатском с папочкой, и приехали они как раз по душу

Абдуллы.

Дознаватель рассказал, что на Абдуллу (предположительно) утром в городской отдел милиции принесли заявление, и, к несчастью, молодой дежурный по непониманию оперативной обстановки в городе не разобрался и не зарегистрировал его. Дознаватель ничего не записывал, он даже не допрашивал, просто рассказывал. Заявление написала гражданка по имени Фая, фамилию заявительницы он не стал говорить из каких-то своих соображений. Эта Фая вчера пришла в гости к своей коллеге по работе, которая проживала в общежитии по известному адресу.

– Они сидели в комнате, когда туда вломился пьяный мужчина жуткой наружности, вроде похожий на вас, – милиционер показал пальцем на Абдуллу. – Так вот, он выгнал ее подружку, закрыл дверь на ключ и начал домогаться с целью изнасилования, дважды ее сильно ударил в живот кулаком, но она вырвалась и выпрыгнула в окно. Хоть этаж был второй, девушка сломала ногу. Об этой травме и об ударах в живот есть медицинская справка. У заявителя есть большое желание дать делу ход.

Такими словами закончил дознаватель свой рассказ. Но заявление с регистрационным номером не показал, хотя оно наверняка лежало у него в папке. Он, вероятно, боялся, что там, куда он пришел, это заявление могут просто отобрать и уничтожить. Цель его визита была, видимо, в том, что ни фамилии, ни имени его она не знала, и он собирался отписаться, что лицо не установлено, и дело не возбудят. И еще он очень просил Абдуллу не появляться в общежитии какое-то время. Неприятный, конечно, визитер, дознаватель, но не опасный. Хотя Абдулла, похоже, испугался, глаза у него бегали, а слюна выделялась изобильно. Он что-то бормотал не очень понятно. Но все это еще только начиналось, и завтра в это же время сюда заявится уже другой, опасный, визитер, и с другими намерениями. Придет человек, которому казалось, что он восстановит эту самую, ускользающую, справедливость.

Утром я уже как бы и забыл и про пиво, и про водку, выпитые накануне, но меня эта ситуация что-то забеспокоила. Именно то, что пришла милиция, а не то, что сотворил Абдулла. Ужасно то, что я себя поймал на мысли, что плохо не то, что сделал Абдулла, а то, что милиция приходила.

У моей калитки орали, из барачков пришли двое с мешком вяленой горбуши. Приметили их менты, и они за копейки избавлялись от своего продукта. Если я в

прошлый раз за два рубля купил две штуки, то сегодня они за два рубля предлагали пять штук. И я за свои два рубля, оставшиеся от пьянки, взял рыбу. У нас в доме стоял холодильник «Бирюса», он был маленький, но очень шумный. На зиму мы его отключали, да и летом он работал не всегда. Во-первых, будил ночами своими прыжками при срабатывании реле включения, что уже в голове начало ассоциироваться со случавшимися здесь подземными толчками. Во-вторых, у него была болячка еще с рождения – теплоизоляционный слой в нем был исполнен из стекловаты, и она каким-то образом оттуда просачивалась и попадала в рот. Ощущения были не очень. Вообще, он у нас был не из магазина, мама приобрела его у кого-то из выезжающих с этой земли. В чрево холодильника я и затолкал эту рыбу. «Бирюса» понимающе включилась, при этом громко заурчала, пританцовывая по полу.

Конец августа. Утро было удивительно теплым, я прямо в трусах вышел в огород. Прямо по краям грядок со всякой огородной мелочью были рассыпаны ярко-голубые мелкие незабудки. Это просто было Царствие небесное. А крупные цветы – георгины и гладиолусы – уже набрали свою силу перед первым сентября. Туда-сюда пролетали то стрекозы, то бабочки разных расцветок. Вот оно – тепло, которое приносит свет и жизнь. Конечно, это не то тепло от перегретого пара недавней парной. Я вырвал два куста картошки, собрал их в когда-то эмалированное ведро без ручки. Это были красные ровные клубни, я хотел сварить их на обед. Дома я заметил на столе мамину записку и рубль. Она просила сходить за хлебом. Лагутин на стене больше никак на меня не реагировал. Я оделся и отправился в магазин. У бараков встретил телегу, в которую была впряжена старая лошадка, а ездок – дедушка. Я его с малых лет помнил только так, с лошадкой. Это был очень добрый дед, каждый год под зиму он на этой лошадке выезжал в лес и в мешки собирал со стланика шишки, затаскивал все это на чердак своей лачуги и рассыпал там. В суровые снежные зимние дни он пускал нас, сопляков, по кривой лестнице туда, и мы отогревались и грызли эти шишки. Он, как и многие, завербовался сюда, уходя от страшного голода в Поволжье в 1946–1947-х годах, и знал цену любому зернышку. Я с ним поздоровался, но дедушка, видимо, уже совсем плохо видел, а дорогу до дома находила сама лошадка.

У подъезда барака, где жили те самые рыболовы, что своим трудом пытались накормить соседей, никого видно не было, но стоял подозрительный «газик» с брезентовым верхом. Вдоль дороги было полно подорожника, покрытого толстым слоем пыли. Одуванчики давно отцвели и сейчас разлетались мелкими парашютиками. Черный ворон, отливая синевой, сидел на макушке электрического столба. Огромный клюв у него был как руль, и он был направлен

в сторону давно не убираемой и завонявшейся помойки. Я поднял палку и стукнул по деревянному столбу. К моему удивлению, эта умная и осторожная птица даже не среагировала. Ворон, наверное, знал, что сейчас эту копченую рыбу заставят закапывать в помойку, чтобы людям не досталась. Тогда-то и наступит время стервятников. Это и была высшая справедливость закона.

Двухэтажный магазин из железных листов, покрашенный броской синей краской, был типичным памятником японского концессионного режима, но вентиляционные будки в виде фигур рыцарей все так же бодро сторожили крышу. Внизу был просторный зал с несколькими железными колоннами, выкрашенный коричневой половой краской, народу было немного, в гастрономическом отделе на стенах стояли пирамиды консервов: рыбных, из частиковой рыбы, лосось, крабы и бело-синие банки сгущенки. А за стеклом витрины – здоровая емкость с кусками маргарина и ржавой селедкой по 66 копеек, постное масло на разлив в банки и бутылки. Бакалейный отдел всегда выглядел празднично, за стеклянными витринами блестели серебром пирамиды и даже сказочные башни из шоколадных плиток, пачки фруктового киселя и ячменный напиток в сине-зеленых упаковках. Были еще вазы с шоколадками «Сказки Пушкина» и «Басни Крылова», конфеты «Ромашка» по 4 руб.20 коп. и ириски «Золотой ключик» и «Тузик». А в хлебном – большие лотки с черным по 16 копеек и белым по 22 копейки. Я набрал хлеба под имеющийся у меня рубль – четыре булки по 16 и одну по 22. Итого на сдачу пришлось 14 копеек. Хлебом мы подкармливали курочек, летом мелко рубили траву, смешивали с хлебом и угощали свое хозяйство, и все это было, конечно, в нарушение закона, который запрещал кормить домашнюю скотину хлебом. Только куры не знали этого закона и просили еды. Вы видели хоть раз, как плачут от голода куры?

Я в этот магазин ходил с раннего детства. Тогда прямо напротив выхода стоял маленький домик, похожий на сарай, сколоченный из фанеры и с гордым названием «Скобяной». В нем торговали кастрюлями, розетками и всяким бытовым скарбом. Но в том сарае был маленький стеклянный прилавок, и там среди всяких штучек я увидел тогда, что рядом с алюминиевыми ложками и стальным подстаканником лежала совершенно притягательная для меня вещь – фонарик-жучок. Он был квадратный и с блестящим отражателем внутри, из которого торчала круглая лампочка, а еще там был складной ножик с шилом и штопором. Так вот, это не главное, а среди отверток и бруска для заточки ножей я разглядел главный для меня экспонат. Он мне показался каким-то предметом из сказки. Я, когда приходил в магазин за хлебом, всегда заходил сюда и его рассматривал. И той зимой я так же стоял у витрины, шмыгая носом и отогревая ладони от холода. Никого не было больше в магазине, а за прилавком стояла

женщина в какой-то лохматой телогрейке, похожая на нашу училку. Видно, вид у меня был юморной, она улыбнулась и спросила:

– Что ты там, малой, все время ходишь, рассматриваешь? Вижу тебя уже не в первый раз.

Я ткнул пальцем в стекло, она открыла крышку и поставила передо мной подставочку из картона, в тело которой была вделана эта вещица, что столь нестерпимо меня притягивала. Я посмотрел на добрую продавщицу, и она мне кивнула. Я взял этот предмет в застывшую руку, это было легкое, верно алюминиевое, колечко, украшенное прямоугольником, где на черном фоне на коне сидел рыцарь с направленным вниз копьем. Фигурка была желтенькая и хорошо очерченная на черном. Внизу колечко было разрезано, видимо его можно было надеть на любой палец. Я испытывал внутренне непонятный трепет от этого изображения, а стоило оно 4 рубля 70 копеек. Зашел какой-то заснеженный мужик, и у меня забрали колечко и сунули под витрину, только теперь уже между пачкой свечей и значком с улыбающимся Гагариным. Мужик приценивался к большому чайнику, а я вышел на ветер и побрел в гору до дома, держа на горбу пять булок хлеба. Многим позже я прочту все доступные мне варианты жития этого рыцаря святости и мужества, который пострадал во время великого гонения при императоре Диоклетиане, когда его после восьмидневных мучений обезглавили. Это один из главных христианских святых мучеников всех церквей. Он убивал дракона. Наверное, какая-то тайна была от того, что на самом краю земли, в самом обезличенном месте, в фанерной будке к ребенку пришел этот образ. В месте, где дети даже в тетрадках крестики не рисовали, а только звездочки и галочки. Но теперь уже этой будки не было, и куда-то ушла острота тех самых чистых ощущений мира, его пространства и времени.

А сегодня, по дороге назад, я встретил тот самый ГАЗ-69 с брезентовым верхом, успел разглядеть только то, что рядом с водителем сидела женщина с номенклатурным лицом в капроновом шарфике. Улица была пуста, а ворон уже сидел на помойке и озирался по сторонам. Возле моей калитки стояла пустая трехлитровая банка. Долго же мне ее возвращали, с того самого метельного утра 9 мая. Но все по справедливости: долг платежом красен. К обеду вернулась с дежурства мама, от моего рассказа про рыбу и помойку она расплакалась:

– Вот бы нам эту рыбку с помойки, да курочкам дать.

Я тут же предложил одну из тех, что купил сегодня, отдать курочкам.

Она сказала:

- Давай, сынок, пусть птички тоже будут радостные.

А курочек-то всего, вместе с петухом, было 6 штук. Только я побоялся, что рыбка достанется не курочкам, а крысам, как та рыба – стервятникам.

На вечерней тренировке вся «голова» «нашенских» заседала в раздевалке. Были причины для разговора, а именно – продолжение вчерашних объяснений. Здесь же присутствовал Абдулла. Уголовное дело, как и ожидалось, возбуждено не было. Злоумышленника объявили в местный розыск, и вся тема готовилась умереть. Но так не случилось, эта девушка, Фая, оказалась студенткой нефтяного техникума где-то в Татарии и была прислана родителями пройти практику под присмотром своего родного дяди – брата ее матери. А этим дядей был Федя Загидул; ситуация стала приобретать зловещий окрас. Этот человек жил от всех отдельно, обладал высшей степенью дерзости и мстительности, а также был всегда последователен в своих поступках. Все, кто имел с ним какие-либо конфликты, даже самые малые, были биты самым жестоким образом. Проживая от всех отдельно, он был не одинок – за ним числилась группа людей примерно того же темперамента и характера. Чем они занимались, никто не знал, но местную милицейскую статистику не портили, где-то исполняли свою работу на выездах. Самое тревожное во всем этом было то, что Абдулла и Федя были друзьями детства до определенных событий. Оба они родились в Голодомор 1946–1947-х годов. В 1948-м году родители Феде Загидула привезли его, годовалого, сюда. Убегая от голодной смерти в Поволжье, они завербовались на рабский труд за кусок хлеба. В тот же год приехали и родители Абдуллы, похоже, по такой же путевке. Они, вроде, где-то на Кавказе работали на нефтянке, но никаких профессий не имели. Их поселили в одном бараке. В 1964-м году Феде было 17, а Абдулле уже исполнилось 18. Они и еще трое товарищей попались на ограблении продовольственной базы. Все, кроме Абдуллы, сели. Он попросту всех сдал и остался на свободе. Федя тогда совершил побег из зоны и повесил Абдуллу, но в последний момент веревку обрезал. Так Абдулла и родился второй раз, может, потому и был такой болтливый и сладострастный.

Федя на «малолетке» пробыл всего месяц, его увезли на взрослый режим. За побег он получил еще 4 года, но на свободу вышел только через 8 лет. За это время он успел пройти все режимы: и воспитательный, и исправительный, и

карательный. На свободу вышел с крытого режима поселка Омчак, что на Колыме. Повторюсь, за этот год он поставил в стойло всех недоброжелателей, сам с блатными не общался, в Сезонку не ходил ни пить водку, ни играть в карты, вроде как тянулся жить по Корану. Но сегодня менты, как бы по-ментовски, упредили, что Федя, возможно, имеет какое-то отношение к обороту огнестрельного оружия, но вроде как, опять по-ментовски, добавили, что это могут быть просто слухи. Но если под правильным углом посмотреть на 30 лет назад, то это вполне даже могло быть. С того времени сохранилась информация, что Федин отец был бригадиром команды по вывозу нечистот с сортиров и помоек. Каждые восемь из десяти вербованных в 1946–1948 гг. были фронтовиками. Взять им с собой было нечего, кроме гимнастерки с наградами и оружия, которое они тащили охапками, как свое, так и трофейное. Но после того как Сталин подписал указ об отмене всех льгот фронтовикам и выплат за награды, привезенные награды пошли в сортиры вместе с оружием после усиления меры ответственности за его хранение.

С боевыми орденами в сортирах оказались пистолеты, гранаты, автоматы с цинками патронов, а те, кто их добывал, умели хранить тайны. В те годы в наших краях было очень много оружия. Если бы японцы не стали сами съезжать по приказу за 24 часа оставить территорию и рискнули бы защищать свои активы, их предстояло всех перебить. Исходя из этих условий и очень короткой навигации, оружие готовили и складывали в схронах, которые потом вывезли только частично, а многие просто не нашли. Поле деятельности в такой специализации было обширным. Те годы голодомора, засухи, денежной реформы породили тысячи кривых дорог для народа. Наверное, тогда была такая справедливость.

Абдулла прибил к «нашенским», наверное, за полгода до освобождения Загидула. Было понятно, что здесь он увидел «крышу», зная, что Федя его не простит, а тут еще случилась эта бяка с Фаей. В дверь раздевалки заглянула вахтерша и взволнованным голосом сообщила, что подъехал красный «пирожковый» автомобиль, и около него какие-то странные люди. На вопрос, почему странные, она ответила, что они одеты как-то не по-летнему. Все вышли из раздевалки и пошли в зал. Нас хоть и было много, но волновались мы как-то не по-боксерски, а как обычные люди, так же, как те в бане, которым подзатыльники раздавали. Когда те две высокие и широкие фигуры вошли в «нашенский» зал, сразу стало понятно, что это совсем не доброжелательные посетители, и видом они своим напоминали персонажей седьмого этапа, родившейся в 1865-м году в США ультраправой расистской организации, отстаивающей превосходство белых: ку-клукс-клан (ККК). Было ощущение, что

вот сейчас, немедленно, произойдет суд Линча. Они мне показались образами безликими и бесформенными, такие фигуры рисовали в журнале «Крокодил». Это образы несунув-расхитителей социалистической собственности. Они оба были в плащ-накидках до самого пола, со здоровенными капюшонами, которые из-за жесткости брезента торчали колпаками на голове, а своими крыльями закрывали лицо. И цвет всего этого был близок к белому, как в ККК. Но я раньше видел эти наряды, в них грузчики на моем узкоколейном вокзале из вагонов машины грузили мешки с цементом, приплывшие с большой земли. Те мешки были бумажные и часто битые, и грузчики трудились в плотном тумане цементной взвеси. Было понятно, что под таким плащом можно было спрятать оружейный склад, и, вероятно, он там был. Когда первый вошедший поднял руку, чтобы откинуть капюшон, раздался звук удара металла о металл. Первым вошедшим и был Федя Загидул. Его откровенно татарские черты лица уже в 25-летнем возрасте были в рубцах и шрамах, приобретенных явно не на дуэлях, а в годах, проведенных в изоляторах и спецпомещениях для нарушителей тюремного режима. Он начал понятно и просто, голосом грубым, но словами разборчивыми:

– Я не здороваюсь по причине того, что знаю, к кому пришел, и никому из присутствующих желать здоровья не хочу. И, судя по вашим гладиаторским позам, вы мне эту суку, уже не раз проявившую себя, не намерены отдать. Но я не хочу вашей крови. Может, здесь у кого-то из вас еще есть шанс очеловечиться. Я однажды уже совершил ошибку, и предатель не был казнен. Ваши грехи не явные, но его грех лжесвидетельства и распутства будет наказан именем пророка.

Чего в этом монологе было больше – уголовной страсти или рассуждений о праведности быть палачом, я не разобрал, потому что ислам для меня всегда заключался в одном лице, и это лицо имело имя и биографию, и звали его Омар Хайям, и у него звучало все по-иному. А Федя Загидул накинул капюшон и вышел за двери вместе со своим спутником, и еще раз железо скрипнуло по железу. Проводить их никто не пошел. Всем присутствующим стало понятно, что на любую силу, в частности их, найдется другая сила – сильнее. А за предательство и грехи воздастся. И, наверное, в этом тоже справедливость. Абдуллу трясло, вероятно, не от осознания своей греховности, а оттого, что он висел сейчас на совсем тонкой ниточке, но точно не от раскаяния. Наверное, те, кто сами мастера нагнать жути, в отношении себя ее воспринимают в полном объеме. Красный «пирожковый» «Москвич» уехал, и вроде как тренировка продолжилась.

Домой я пришел еще засветло. Пока варилась картошка, поскоблил доски в загородке у курей, погромел в сортире, крыс было слышно, но не видно. Успел еще порубить собранной утром травы, которая уже потеряла свою летнюю мягкость и была готова умереть с холодами, которые всегда к нам приходили рано. Ужинал очень горячей рассыпчатой картошкой под постным маслом, с нежной, малосольной горбушей, вприкуску с хлебом за 22 копейки. Потом замочил в тазике свою тренировочную форму. На завтра было назначено общее собрание, поэтому форма будет болтаться на веревке во дворе, пока не высохнет. Повестку собрания не объявляли, но я очень надеялся, что она не в продолжение сегодняшних событий. Мне, честно, было стыдно, от того, что после рыбки вдруг пива захотелось.

Не думал я, не гадал, что такими плохими новостями для меня лично обернется это неожиданное собрание. Все «нашенские» собрались в 17 часов и сидели на скамейке, даже не переодевшись. В раздевалке главный ударный взвод «нашенских» в узком кругу обсуждал дело Абдуллы. После этот круг еще сузится, и главное решение примут там. Шеф опоздал на полчаса. Из окна было видно, как он выгружает свои тела из «Черной Волги», а вокруг него бегают бывшая партийная, а ныне профсоюзная чаровница Лола Евгеньевна. На каблуках она была на голову выше своего шефа, но зато он был везде: и в депутатстве, и в исполкоме, и народным заседателем в суде, наставником пионеров и, конечно же, в комитете по распределению жилья, да еще много где.

В зале к столу под красной потертой скатертью бегом притащили еще один столик, для чаровницы, и подставили сбоку. Конечно, был и графин с водой, правда, к нему всего один стакан, зато хорошо помытый. Двое, получилось, в президиуме, а мы на скамейках вдоль стены. Акустика была хорошая. Шеф начал, вроде, неплохо. Он рассказал о визите областного руководства на празднование 9 мая, и о том, что он отлично отчитался по работе ДСО «Трудовик», в частности по боксу. И даже вспомнил о показательном бое на сцене. Он два раза повторил «показательный», явно с ошибкой. Тот бой был не показательным, но финалом соревнований, а вовсе не демонстрацией успехов ДСО. Начальство любит слово «показательное», ибо оно одновременно и партийное, и профсоюзное, и комсомольское, и пионерско-октябрятское. Вот пусть и пользуются этим словом. Оказалось, что начальству из области все у нас понравилось, включая, наверное, и застолье с официантками в кокошниках. Так вот, руководители области добро помнят и приглашают нас с ответным визитом. Вот тут я и насторожился. Шеф продолжал, а Лола Евгеньевна светила ляжками, перекидывая одну ногу на другую с очень короткими паузами. Может, у нее что-то чесалось? А шеф рассказывал, что в рамках подготовки будущей

Спартакиады народов СССР по всей стране будет идти предварительный отбор по юношам. Такой пройдет и в нашей области. Победители будут делегированы на ЦС ДСО «Трудовик». А чемпионы ЦС попадут на Спартакиаду народов СССР. Все это будет исполняться в несколько этапов. Коренным смыслом во всем этом было то, что возраст участников – 18–19 лет. На Спартакиаду попадут уже в полном мужском возрасте. Такая возрастная ротация среди «нашенских» и не существовала, а те, кто стучали по мешкам и лапам, никак туда не попадали. Шеф даже приподнялся на стуле и многозначительно изрек, что все турниры перед Спартакиадой будут мастерскими, и пора нам уже занять своего мастера спорта. Лола Евгеньевна с последними его словами заголила ляжки еще на треть, и тут я осознал, какая меня ждет незавидная участь. Областные соревнования, со слов шефа, начнутся уже через 2 недели. Он закончил тем, что завтра своим приказом утвердит список людей, которые поедут на областные соревнования, и согласует все финансирование. Кто-то, желая отвести от себя даже самую маленькую угрозу, выкрикнул про Дом «пионэров», но шеф ответил, что Николай Максимович болен, и летом там вообще все на лопате, поэтому команда будет оформлена на базе Дворца спорта, а Лола Евгеньевна закажет билеты. Та снова поменяла ляжки местами и важно кивнула.

– И вперед, братцы, к новым победам! – закончил наш кормилец и благодетель.

Лола Евгеньевна закончила свой ляжечный гипноз, и они двинулись в чрево персональной «Волги». Барышня долго задирала ногу, чтобы уместить свой зад на переднем сиденье, и все-таки засветила свои красные трусы.

«Нашенские» кинулись обсуждать, кто поедет в командировку в виде тренеров и распорядителей кредитов. В мою сторону даже никто не смотрел и, наверное, это справедливо. Та весовая категория, которая у меня была весной, уже давно потерялась. А новая категория – это новые оппоненты, а их в масштабе области было предостаточно. Никаких сомнений, что я буду участвовать в этих событиях, у меня не было. И это справедливо.

Б. Лагутин на стене, похоже, с меня потешался. Он точно знал, что в таких ситуациях бывает. Своей усмешкой он меня совсем к земле прибил, а вечерняя программа новостей «Время» разгулялась музыкой Свиридова «Время, вперед!». После нее включили «Очевидное – невероятное», и это название в мою сторону звучало как сатира. И хотя я на ночь опять поел своей любимой картошки с рыбой, пива уже не хотелось. Поговорка «лиха беда начало» для меня всегда была просто набором слов, а сейчас я почему-то подумал, что это, верно, то же

самое, что «есть дыра, будет и прореха». Вероятно, такими словами можно подбодрить человека, подтолкнув его приступить к трудному делу. Страшно взяться, но стоит лишь начать, как беда уступает место надежде.

Вот и я начал с когда-то обязательной утренней пробежки, но добежать мне удалось только до своей бывшей начальной школы, которая мне сочувственно подмигнула уже намытыми к первому сентября окнами. Назад я тащился, вывалив язык и ничего вокруг не замечая. Выкуренные папиросы, водка и пиво делали свое дело. Бывший хороший спортсмен становился «нашенской» молодежью, а я ведь не сам начал этому сопротивляться, к этому подтолкнули обстоятельства. Похоже, кто-то давал мне не то, что я хотел, а то, что надо было в тот момент жизни. Может это оттуда, откуда тот рыцарь с копьем из детства? Может там и есть главная и единственная справедливость, и другой не существует?

Подойдя мелкими шажками к калитке, я увидел белый листок бумажки. Записку принесла дежурная из Дворца спорта – бабушка. Мне надлежало прямо с утра явиться в главную контору. Может, это пьеса, а может, водевиль, но что бы то ни было, оно начиналось, и я, как работник, должен был в этом участвовать.

Лолу Евгеньевну было слышно уже от дверей, она хохотала, выглядела на все сто и явно была на подъеме. Сегодня на ней короткая, конечно же, юбка-разлетайка в крупный красный горох, супер-босоножки на пробковой платформе и красная кричащая полумаечка, которую от юбки отделял широкий лакированный ремень. Подле нее призывно изгибался блондинистый юноша в военной рубашке без погон. Его лейтенантский китель с петлицами пожарника был накинут на спинку стула. Лола Евгеньевна официально поздоровалась и сразу перешла к делу. Меня ознакомили с приказом о командировке. Как я и ожидал, там было три фигуры – я и двое уполномоченных «нашенских». Лола Евгеньевна звонко, с лисьими ужимками, добавила:

– Хотели еще одного отправить, Борисова, но тот, дурак, отказался, чем вызвал у шефа большую злобу.

Еще мне надо было получить направление на мед. освидетельствование, а также сделать 4 фотографии, и тогда я свободен. Она опять начала похихатывать, моргая приклеенными ресницами в сторону молодого пожарника. Но у меня для нее был еще один вопрос, и я надеялся получить ответ. Я почему-то думал, что она знает, где найти Николая Максимовича. Она, пять раз моргнув

непонимающе ресницами, спохватилась и полезла в какие-то пыльные папки на полке, комментируя мою просьбу следующим образом:

– Этот человек, конечно же, не наш, но без нас ведь никуда.

При этом она смотрела на пожарника. То, как она говорила и как моргала, прибавляло ей шансов. Но адрес я получил. И фотографии, подождав полчаса, тоже. В спортивном диспансере просто печать поставили на справку. Когда я устраивался инструктором ДСО, проходил медкомиссию, и срок годности ее еще не прошел. Вернулся назад, в контору, там за дверью было тихо. Нашел человека в бухгалтерии, а Лола Евгеньевна ушла, возможно, на обед, когда будет – неизвестно. Предположительно, она ушла к себе домой, пить индийский чай из железной банки.

Николай Максимович жил в районе, который звали просто Больничка. Вероятно, потому что рядом находилась та самая больница. Все это было недалеко, уверенности, что я застаю его дома, мне прибавил тот самый желтый «Москвич», что стоял в двух шагах от входа в двухэтажный барак. Я поднялся на второй этаж по лестнице со ступеньками, сильно уже искалеченными людскими ногами, придерживаясь за совершенно раскоченные перила. Я знал, за чем шел: за наставлениями и советами, в которых сейчас сильно нуждался. Его двери когда-то были обиты коричневым дерматином, огрызки которого сейчас торчали из-под реек. Мне кажется, что кто-то привел меня к этой двери, которая, как призывный набат, растревожит меня и проявится во всем, что будет в дальнейшей жизни. Я постучал – в ответ тишина, еще раз постучал – опять тихо. Я хотел дверь дернуть, но на ней не было ручки. И вдруг она отворилась, да как-то вроде как провалилась или растворилась передо мной.

Напротив меня стояла маленькая тоненькая женщина, может бабушка, а может и нет. Лицо у нее было светлое и блестящее. Она была в черном до пят одеянии, на хрупкой шее – какая-то тоненькая ниточка, а глаза голубые, пронзительные и полные жизни. А на мое «здравствуйте» трижды ответила «и вам здравия». Я назвал ее, и она тут же сказала, что знает меня «со слов Коленьки», а она сама вроде как сестра его покойной супруги, Полиночки, и сейчас присматривает за Коленькой. Только он в больнице, а она на хозяйстве. Потом я вспомнил, что она себя так и не назвала, а мне прямо шепотом сказала:

– Коленька говорил, что если бы у него был сын, то он бы хотел, чтобы был такой, как вы, и даже однажды назвал вас сыном. Любил, наверное.

Я, конечно, смутился и объявил, что хочу навестить его в больнице, на что она ответила, что обязательно должен навестить, только к нему пускают после 16 часов. А значит, есть еще много времени и можно поговорить. Вообще, она говорила очень как-то тихо, но слова тщательно проговаривала, и потому каждое ее слово доходило. Она усадила меня на табурет, сама села рядышком, на предложение чая с вареньем я с готовностью закивал. Она начала с вопроса, знаю ли я, в какой день пришел его навестить. Я пожал плечами: мол, вроде день как день. Но она сказала, что у него сегодня по небесному календарю день рождения. Мне казалось, что она понимает мои мысли и отвечает на них, а я в это время подумал про его слова, которые он любил говорить, что маленькая собачка – до старости щенок. И вот она начала свой рассказ издалека.

В 1918-м году, когда папа Коленьки – Максим – воевал в гражданскую войну, то близко сдружился с Эдуардом Петровичем Берзиным. Когда того назначили начальником батареи на деникинском фронте, хотел уехать с ним, но Берзин его не взял по той причине, что жена Максима, Верочка, была уже на сносях. Тогда Берзин, считая Максима начитанным и полезным для будущего страны, рекомендовал его на учебу, и Колин отец попал в число студентов только что реформированного Петроградского горного университета. Тут и родился Коленька, а Максим успешно окончил университет. Когда 4 февраля 1932-го года на пароходе «Сахалин» в порт Нагаево прибыл первый директор «Дальстроя» Эдуард Берзин, то по его распоряжению нашли Максима, и вся его семья отправилась на работу в далекие края. Берзин – выпускник Берлинского художественного училища – был натурой жесткой, но романтичной и увлекающейся. Они были с Максимом одноклассники, и Берзин увлек Максима, к тому времени уже ставшего горным инженером, романтикой освоения северных территорий и добычи золота для страны. И Коленьку, четырнадцатилетнего, привезли туда, а там он, именно с этого возраста, и увлекся боксом в каком-то кружке.

Когда она мне все это рассказывала, у меня возникло ощущение, что она была участницей этих событий, настолько убедительно все проговаривала. Мгновениями мне казалось, что ее нет рядом, и только голос звучит ровно, как метроном.

Но Берзин, при всей своей романтичности, был одним из руководителей и организаторов ГУЛАГа. И сам по доносу был арестован в 1937 году, а в 1938-м году приговорен к расстрелу и казнен в этот же день. Максим и Верочка тоже были арестованы, их пытали с целью получить показания на Берзина и

признание собственного участия в троцкистском заговоре. А Коленку неделю продержали в тюрьме и били, заставляя отказаться от родителей и дать на них показания. Но, ничего не добившись, выпустили по причине того, что он не сегодня-завтра должен был сам загнуться, почки у него были убиты совсем. Но он выжил. Родителей осенью 1938-го года расстреляли, а он, нанявшись кочегаром на буксир, что таскал баржи обреченных из владивостокской бухты Золотой Рог в Нагаевскую бухту, поздней осенью ушел на этом буксире, таща баржу за новой партией осужденных на каторгу. Но случилась поломка, и они еле дотащились до мелкого порта на Северном Сахалине, а тут уже и вмерзли. Дальше пошли только в навигацию, но Колю не взяли на буксир, он в это время в очередной раз умирал в больнице. Так Коленка оказался здесь в 20-летнем возрасте: один, больной и на улице. А чуть встав на ноги, пошел работать учеником слесаря в механическую мастерскую на промысел. Трудился там 17 лет, а с мая 1955-го года перешел на механический завод по той же специальности.

В 1948-м году он познакомился с Поленькой, она была из семьи первой партии вербованных. Они поженились, но детей не назвали, а на фронт он не попал по причине огромного операционного шрама, с таким ни одну комиссию обмануть ему не удалось. Но в 1942-м году его опять посадили, за самовольное оставление рабочего места. Тогда он придумал, что сможет добраться на фронт попутным транспортом с этого края земли. Поймали, но держать не стали и опять вернули на работу. Из своей неистребимой любви к детям он даже несколько лет работал в школе физруком, но при очередной школьной зачистке его уволили, вроде, как не имеющего профильного образования. Я понял: его выгнали из той же школы, что и меня, не дав учиться дальше 8 класса, но это было многим раньше. Пять лет назад похоронили Полиночку, она была замерщицей по скважинам на первом промысле, и как-то в ночную смену, в сильный буран, пропала. Коленка ее каждый день ходил искать до самой весны, пока она не вытаяла у одной из скважин с прижатой к груди мерной линейкой и баночкой. Коленка больше работать не мог. Он не мог ни спать, ни бодрствовать, но жизнь все равно побеждала, и он устроился на общественных началах в Дом пионеров тренером. Вот так и существовал на нищенскую пенсию. А два года назад где-то со свалки притащил эту желтую машину и, будучи хорошим слесарем, восстановил. Последние копейки в нее вложил. Машина редко ездила, но за рулем он оживал. Было две вещи, которые он не любил: читать официальные бумаги и милицию. Он ее не презирал, не ругал, а просто ненавидел. Мне вдруг вспомнилось, как я когда-то на тренировку принес журнал «Физкультура и спорт» со статьей Якова Анатольевича Высоцкого о развитии школы бокса на Колыме, все там начиналось в поселке Ягодном. Теперь мне

было точно понятно его волнение, когда он взял этот журнал и убежал куда-то, а вернувшись, попросил его в подарок.

Время приблизилось к 16 часам; она мне сказала, куда идти, прямо чуть ли не пошагово, а уже у входной двери достала что-то из-за спины. Это был образок всего лишь с четвертинку тетрадного листа со словами на нем на непонятном, но читаемом языке – «Святой Николай Чудотворец». Она попросила поставить этот образ у кровати больного и закончила словами «Блаженны те, чьи сердца чисты, ибо увидят они Бога». Тогда я еще не знал, чьи это слова. Уже стоя к ней спиной, я каким-то образом видел, как она меня крестит, но что говорит, не слышал. Верно, молитву читала. Как по хлопку, я вновь оказался у двери с ключьями дерматина. Если бы не образок в руке, то могло показаться, что я внутри и не был. По лестнице, что жила какой-то отдельной своей жизнью, спустился на улицу. Кот, сидевший на желтой крыше «Москвича», услышав меня, напрягся в своей кошачьей стойке, видимо, опасаясь, что я в него кину чем-нибудь или просто замахнусь. Поняв, что я не опасен, снова прилег на теплую крышу приглядывать за воробьями на помойке, которая медузой расплзлась рядом и озонировала знакомыми с детства запахами. Та бабушка или женщина, с которой я сегодня беседовал в комнате Николая Максимовича, видимо, очень часто ходила этой дорожкой до больницы, настолько подробно она мне путь описала. И даже то, что за столиком дежурной будет сидеть медсестра, молодая и красивая, и что она и проводит меня к Николаю Максимовичу, так как его там трудно разыскать. Все так и было, и сестрица дежурная была точно такая, как описано. Она встретила меня приветливой улыбкой, совсем не такой, как у Лолы Евгеньевны.

Когда она узнала о цели моего визита, то как-то странно среагировала, и повела по длинному коридору вниз. Николай Максимович лежал не в палате, а в каком-то чулане, часть которого была заполнена швабрами и тряпками. Швабры были такой ширины, будто ими мыли палубы крейсеров. Он лежал на узкой кровати под синим солдатским одеялом, но на явно свежем белье. Сестрица рассказала, что коек в больнице пустых полно, но как-то так получилось, что здесь самое сухое и проветриваемое помещение, а ему, чтобы прожить еще хоть сколько-то, нужны именно такие условия. Это она сказала без всякого ударения на слово «прожить» и еще добавила, что Николая Максимовича любит весь персонал: он не стонет, не истерит, ничего себе не просит, но в последнее время ничего не ест и даже воду не пьет, хотя надо бы. Она также добавила, что по нему заметно, что он кого-то ждет, может быть вас?

Сестра ушла, мы остались один на один. Я поставил образок, облокотив его на графин с желтой водой. Он, казалось, спал, ничем не выдавая в себе жизнь. Маленький совсем, лысый и серый. Я присел на кровать, и вдруг он положил свою руку на мою и открыл глаза. Взгляд был точно его, но говорить внятно он уже не мог. Я понял только одно слово «сынок», так он назвал меня в третий раз. Потом совсем слабыми руками взял за голову и вроде как пытался мне уши потереть. Через секунду руки упали, как плети, и глаза закрылись. Я вышел на деревянных ногах, рядом была еще какая-то кладовая. Я заскочил туда, и у меня началась истерика. Я никогда не испытывал ничего подобного, но мне казалось, что именно тогда, в подвале этой больницы, вместе со слезами и соплями из души вышло уже собирающееся во мне дерьмо. Я был настолько громкий, что меня услышали, дали выпить успокоительного, вроде даже чем-то укололи. Ушел на своих ногах, домой не пошел, пошел в кино.

Проходя мимо кинотеатра, увидел афишу фильма «Доживем до понедельника», для меня этот фильм навсегда останется лучшим. Его пустили, видимо, к началу учебного года, и это правильно. Ростоцкий, блестяще образованный режиссер, смог все, что есть лучшего в педагогической науке, воспроизвести в образе учителя истории Мельникова Ильи Семеновича, сыгранного блестящим Тихоновым.

Я сидел на скамеечке и пытался как-то отвлечься от переживаний этого непростого дня. На соседней скамейке шушукались молодые пацаны, наверное, 8–9-й класс, и я вдруг понял, что они говорят про меня. Оказалось, что мы знакомы, пацаны были с наших барачных участков и занимались боксом во Дворце спорта, и сегодня вот всей своей бригадой выбрались в город в кино. А тут какое-то кино скучное про школу. Действительно, с афиши лицо Тихонова в очках выглядело не очень весело, хотя и поучительно. Тут я им и сказал, что это одна из лучших кинолент в мире. Они мне явно поверили и побежали в кассу. Пацаны, оказывается, все про меня знали, и даже то, что я готовлюсь на большие соревнования. Им, похоже, меня приводили в пример, а по привычке «нашенские», конечно, привирали. В кино мы пошли вместе и договорились потом толпой идти домой. Я был таким же, когда в щелку заглядывал во время тренировок взрослых. Я уже не знал, нужна ли была эта щель? Понимал лишь одно – каждый должен пройти свой путь сам, и это тоже справедливо.

В зале было полно пустых мест, а пацаны все расселись вокруг меня. Я все диалоги в фильме знал почти наизусть, а пацаны вокруг меня вертелись и шептались. Главный постулат Ростоцкого в этом фильме – это, конечно,

оформленное счастье, когда тебя понимают. А мне всегда хотелось это чуть исправить и сказать, что счастье – это когда ты обрел тех, кто тебя понимает. Я смотрел на этих мальчишек и немного им сочувствовал, что там, куда они ходят в надежде стать мужчинами, больше нет библиотеки. А мужчиной без нее не станешь, без той доброй и тихонькой женщины-библиотекаря. Домой шли вместе, они проводили меня чуть ли не до калитки, все расспрашивали, как правильно встречать, а как через руку? Я останавливался посреди дороги и пытался показывать то, чему меня учил Николай Максимович. Судьба мне прислала этих мальчишек, они отвлекли меня от мыслей, что я где-то на перекрестке не туда повернул. По этим мыслям получалось, что сосед – грузчик с трюмова, который никогда не читал умных книг и пил при любой возможности, яснее, чем я понимал реальный мир и был в нем честнее. Лагутин на стене вроде уже и не ухмылялся, и я лег спать с непонятно откуда пришедшим облегчением, наверное, потому что, наконец, понял, что надо делать.

Старый будильник зазвенел, как и был озадачен. Я опять побежал, но теперь старался правильно дышать и не отвлекаться, и пробежал. Правда, мокрый был, как лягушка, и сердце колотилось очень сильно, просясь на волю. Я умылся, собрал свою сумку с лапами, перчатками и долго размышлял, взять красные боксерки или старые кеды. Выбрал кеды и отправился мимо Дворца спорта и Дома пионеров. Я пошел туда, где меня никто не ждал – в техникум. Спортзал у этого учебного заведения был пристроен с торца. Дверь была открыта, парень с русской фамилией Борисов прыгал на скакалке. Я поставил на пол сумку и сел у входа на лавку. Спортзал был не большой, но и не маленький, а окна были широкие, но почему-то зарешеченные. Он подошел ко мне, присел рядом и протянул руку со словами:

– Ну, давай знакомиться.

Я представился, и он назвался Сергеем. Он был точно таким, каким я видел его на соревнованиях, с добрым и открытым лицом. Сергей начал сам с вопроса:

– Неужто ты тоже пришел меня искушать талонами на питание?

Я понял, что надо начать объясняться, и сказал, что тренер мой в больнице, в тяжелом состоянии. А туда, куда его приглашали, я бы тоже не поехал, но вроде как обязан, коли получаю зарплату. Заговорили о тренерах, и он без всякого пафоса рассказал, что сам из Москвы и волею судеб с мамой оказался в нашем

городе. Его сразу взяли на четвертый курс техникума, как бы переводом, сейчас готовится в армию после окончания. С самого первого дня его спортивной карьеры у него один тренер – армейский друг его отца. Папа у него военный, а тренер – из ЦСКА, притом их самый главный армейский тренер, заслуженный мастер спорта и серебряный призер Олимпийских игр в Риме в 1960-м году. Тренер с его отцом дружили с первого класса, оба – дети войны. Видно было, что он все это говорил не без гордости. И ко всему добавил, что служить надеется в ЦСКА. Я ответил, что у меня тоже хороший тренер. Он не возражал, сказав:

- Ты хороший боксер, а такой боксер может быть только у хорошего тренера.

Ко всему этому он умно заметил, что мне нужна была победа в родном городе, и я ее достойно одержал, а он просто хотел побоксировать с достойным противником и нашел его в моем лице. Потом так же откровенно сказал, что с первых секунд боя увидел, что у меня левая рука травмирована, потому и локоть поставил. Его тренер всегда внушал, что надо такому учиться. Если сразу таких вещей не познать, то потом на международном уровне будешь обречен. А я в ответ сказал, что понял его, как он готовил удар рукой, и потому и бил в разрез. На это он, помолчав, ответил, что вообще обычный праворукий гражданин, а боксировал в праворукой стойке, дабы понять все премудрости. Получалось, что он мне давал фору, поэтому и руку, готовящую удар, было видно, потому что она была совсем не ударная. Мне была приятна взаимная откровенность. Потом была пауза, после которой он прямо спросил, чего я от него хочу. Я ответил, что хочу помощи. Он пожал плечами, сказав, что не тренер, да и за две оставшиеся недели чем он может помочь? На деле оставалось даже меньше времени – всего 10 дней. Он, чуть-чуть подумав, сказал, что может дать мне реальный совет: не ходить больше в свой вес, а искать себя в следующей весовой категории, в которой я сейчас находился.

- Может, ты и сгонишь вес, но этим сгоном себя загонишь. По тебе и так было видно, что ты «гонщик», а сейчас и без весов понятно, что ты другой.

Я, в общем-то, и сам об этом думал, но боялся себе признаться. Лишний вес будет в ущерб скорости, значит надо добавлять физической силы и плотности в бою. Да, я почувствовал, в каких хороших тренерских руках он был, да и сейчас, похоже, находился, несмотря на расстояние. Но главное – контакт состоялся. Доброжелательное лицо явно выражало характер. Я со значением посмотрел на свою сумку, он кивнул, я переоделся, и мы вместе запрыгали на скакалках. Потом бой с тенью, потом пятнашки, немного лап и легкий спарринг. Позже

выволокли из конторки физрука гири и покачали руки. Сергей помчался на зачет, а я домой. Договорились завтра все повторить.

По дороге я завернул в свою главную контору. Сияющая новыми коралловыми бусами Лола Евгеньевна показала на дверь кабинета шефа, но тот мне был совсем не нужен. Я попросил заявку, которую еще, к счастью не отправили, изменить весовую категорию. Лола Евгеньевна было возмутилась, что работу создаю и беспокойство, но потом сказала, что замажет. Я ушел, в спину опять прозвучало кокетливое «злюка». Все бумажные формальности были улажены. Мне осталось только явиться к вылету самолета. Я был благодарен Сергею за то, что тот не задал мне один вопрос, хотя явно хотел. Почему у нас столько самопровозглашенных боксеров-мастеров, а спарринг-партнеров нет? Но если он мне задаст подобный вопрос, я, наверное, и сам не смогу найти справедливый ответ. А хотелось бы.

Дома мама нажарила блинов. Больших, под стать оставшейся от бабушки сковородке. Мы наелись и вопреки логике пошли копать картошку. Я ее таскал ведрами и рассыпал на просушку, да развешивал старые мешки на заборе сушить. Поработав, пошли и доели оставшиеся блины со сливочным маслом. Лагутин, вроде как, смотрел на меня одобрительно. А по программе «Время» опять были новости под музыку Свиридова. А потом старый фильм «На семи ветрах», опять же с Тихоновым. Под него я и уснул. А снился мне желтый «Москвич» Николая Максимовича, на крыше которого сидел черный ворон с огромным клювом, с тем самым котом в когтях.

Утром я всю дистанцию пробежал с ускорением, боялся опоздать. Вчера я попросил мальчишек утром прийти и помочь мне в одном деле. Мне хотелось скорей реализовать то, о чем говорил Сергей. Чтобы уметь не только мощно бить, а еще толкаться и хорошо давить соперника. Где-то метров за сто от Дворца спорта была свалка, и на ней валялся здоровенный автомобильный баллон, который там уже не один год ждал своей участи быть сожженным. Я хотел, чтобы пацаны помогли мне его докатить до нижней калитки моего огорода, через которую мы еще при жизни папы таскали навоз на огород. Но вода с больших снегов уносила из земли практически все полезные минералы, оставляя землю бесплодной. И мы растаскивали эту кучу, накладывая вилами навоз в цинковое корыто. Потом я надевал на себя веревочные лямки и тащил в гору, потом опять и опять. Первый раз я ощутил радости такого труда в 12 лет. Давно уже от навоза тут и следа не осталось, вот я на это место и хотел припарковать этот баллон, превратив его в работающий снаряд. А кувалда у

меня в доме была, настоящая, с ручкой из трубы. Откуда она взялась, было и не вспомнить. Но ей мы последние годы правили с мамой окончателно завалившийся забор.

Ребята, все вшестером, пришли ровно в назначенное время и с завистью смотрели на мою совсем мокрую после пробежки майку. Я принес кувалду, и пока они не насмотрелись на мои замахи-удары, не уходили. А идти им надо было, сегодня был последний день августа, и дел у них, конечно, хватало. В техникуме тоже начиналась учеба, и спортзал будет занят согласно расписанию занятий студентов, но Сергей пообещал как-то договориться. Похоже, физрук там тоже был когда-то с «нашенскими», но по возрасту, вероятно, выбыл. Я думаю, что с его слов Сергей и говорил мне о большом количестве самопровозглашенных мастеров, которые были назначены ударниками и дружинниками одной из опор давным-давно сложившегося здесь особого образа проживания и взаимоотношений между людьми и улицей. Если перефразировать Ницше, то звучало бы, наверное, так: «Ты смотришь на улицу, а улица смотрит на тебя». Вот только ты ее боишься, а она тебя нет. А кто правит на улице, тот правит везде. Все бунты и три русские революции начинались на улице.

Ближе к 12 часам я, закинув сумку на плечо, собрался на тренировку, но перед этим хотел зайти во Дворец спорта забрать свой эспандер для закачки кисти руки. Она хоть и не беспокоила, но требовала к себе внимания. Уже когда подходил к крыльцу, меня догнала черная «Волга» с неизвестными номерами, и тот, кто сидел рядом с водителем, выйдя из машины, кинулся ко мне. Я его не сразу узнал, видимо, потому что лохмы его были укорочены, уложены и набриолиненны, дополняя темный в тонкую полосочку костюмчик и галстук в белую искру. Это оказался тот самый фигурант, которого я два дня опекал на танцах, то бишь сын большого прокурора. Он страшно обрадовался нашей встрече и ловко, одной рукой, раскрыл красное удостоверение. Теперь этот паренек, не пошедший в армию по причине плоскостопия, в 19 лет стал инструктором Комитета городского народного контроля. И еще при нем было бумажное распоряжение. Под его руководством формировалась группа для проведения рейда по торговым организациям города. Группа из пяти человек должна быть набрана из числа передовой рабочей молодежи, комсомольского актива и народных дружинников. Вот он и приехал к «нашенским», а они толпились у барной стойки, буфетчица что-то медлила, открывая свою кормушку, но пиво бутылочное, похоже, было в наличии. Я забрал свой эспандер, объявив, что сам буду готовиться к соревнованиям. Инструктор народного контроля прямо за стойкой буфета сформировал группу для проведения городского рейда по торговым точкам. Первым записался Абдулла, инструктор

увидел, что я ухожу и убедительно просил меня подождать. Обещал подвезти «как человека», но я пошел пешком, как ходят «человеки» на двух ногах. Похоже, «нашенские» уже знали, где я и с кем подружился, но ни интереса, ни беспокойства не проявляли. Они были озадачены предстоящим рейдом, надо было готовить непрозрачные рюкзаки и авоськи. У них уже накопилось много мест, где мимо них проносили дефицит или вообще отказали «дать за уважение». Так вот, наступал день расплаты за такое отношение. И, наверное, это справедливо.

В техникумовском зале натянули волейбольную сетку, видимо, завтра уже начнутся спортивные уроки. Но для нас двоих места было предостаточно. Физрук нам даже пожаловал две гири и маленькую штангу. Это была колесная пара от еще концессионной вагонетки, но она была удобная в обхвате. Похоже, физрук относился ко всему происходящему с полным пониманием. Ему было, вероятно, уже за 60, но вида он был молодцеватого, кругленький, седой, подвижный, в синем тренировочном костюме, на шее свисток, а на ногах полубоксерки. Такие я видел на соревнованиях у Сергея. Помимо этого, у него была, похоже, отличная память, умение говорить и анализировать, что после тренировки он и продемонстрировал в своей камерке за чаем с печеньем. Все же он был «нашенским», совсем из первых послевоенных. Ну а тренировка прошла в хорошем темпе, даже физрук меня подержал на лапах. Он их хорошо накидывал, но не совсем быстро выставлял фигуры. Вообще, было чуть похоже на то, что делал Николай Максимович. Собственно, после тренировки мы его и вспомнили. Я сказал, что тренер тяжело болеет и сейчас в больнице. Физрук, похоже, с искренним сожалением покачал своей седой головой и сказал:

– Работал бы он в школе, наверное, побольше бы сохранил здоровья.

На что я ответил, что его уволили из-за отсутствия профильного образования.

Физрук улыбнулся как-то особо, по-отечески, и сказал:

– Вы, юноша, видимо, совсем мало знаете о своем тренере. Если у вас есть желание, могу просветить.

Я, конечно, захотел. И вот, что он мне рассказал:

– У Николая Максимовича, сколько я его помню, всегда были натянутые отношения с властями и окружающей действительностью. И я, конечно, уверен, что основания для этого у него были. Но то, что произошло в 1967-м году, в период его работы в школе, многих тут взбудоражило. Я хорошо помню этот год. К этой дате в городе усиленно готовились, перевыполняли объемы добычи нефти, досрочно сдавали объекты строительства и так далее. Весь этот понт, как всегда, реализовался. Отрапортовали, получили награды и премии. Но в декабре того же года был еще один юбилей, не такой громкий, но тоже очень важный, это пятидесятилетие ВЧК – КГБ и всего того, что было между ними. По этому поводу было совещание в горкоме партии, и было вынесено решение: агитационно-пафосно информировать население о юбилее. Оставалось еще много призывов и лозунгов от предыдущей даты, но надо было что-то подготовить, согласно новой праздничной дате. Озадачили несколько городских руководителей, в том числе и председателя городского Комитета по образованию. А тот, в свою очередь, – директора школы, где работал Николай Максимович. Там все и началось. Директор школы лично куда-то ездил, заказывал это приветствие в виде лозунга на кумаче, и его изготовили. Но если юбилей был 20-го декабря, то его привезли только с утра 19-го. До вечера все совершеннолетнее трудоспособное население школы ладило его на стене. Стена была торцовой и выходила прямо на проезжую часть. Это приветствие с благодарностью ко всем ветеранам и сегодняшним сотрудникам НКВД, ОГПУ, МГБ, КГБ хорошо читалось. Мимо не пройдешь. Директриса отрапортовала в горком партии, все разошлись. А наутро обнаружилось, что вся эта красота исчезла. Началась паника, и хотя участковый, прокуратура и оперативные службы все перерыли, не нашли злоумышленников. Директриса школы в этот же день оказалась с партийным выговором с занесением в учетную карточку. А весь комсомольский актив школы был обвинен в отсутствии комсомольской бдительности, что было тяжким проступком. А они рвались доказать свою преданность идеалам, и доказали под руководством школьного комсомольского секретаря, который сам в 16 лет, будучи учеником 10 класса, организовал группу активистов, ходивших по классам во время уроков и срывавших с детишек крестики, если такие находились. Это было в конце 1963-го – начале 1964-го года. Его, конечно же, заметили, и после школы службу в армии заменили трехгодичной учебой в школе комсомольского актива при Высшей партийной школе (ВПШ).

Физрук, видя, что я жду в его рассказе поворота к Николаю Максимовичу, отломил кусочек печенья и сказал, что надо сделать еще одно отступление.

– Этот мальчик-активист вернулся в ту же школу после обучения. Теперь на должность освобожденного секретаря комитета комсомола. И надо обязательно рассказать, чей он был сынок. Так вот, папа его – подполковник – был начальником управления лагерей. И был переведен сюда с Колымы. Я подозреваю, что этот тип был участником допроса Колиных родителей и его самого. Сидел он в том самом кирпичном доме, который на ваших буграх, где ты живешь.

Я подтверждающее кивнул, что знаю это место.

– Так вот и сидел бы он там до самоликвидации управления лагерей, но в том году его вызвали в Москву, вроде как за повышением, и после этого подполковник пропал. Упорно ходили слухи, что он каким-то образом был причастен к делу Осипа Мандельштама, крупнейшего русского поэта XX века, которого реабилитировали под давлением мировой общественности в марте 1964-го года и назначили расследовать причины его смерти. Многие тогда, как отдельные представители мировой культуры, так и творческие союзы, настойчиво добивались расследования, не веря официальным заключениям, что он умер от тифа в пересыльном лагере во Владивостоке. Все считали, что он был умерщвлен под пытками. Какое к этому делу имел отношение подполковник НКВД, никто точно не знал, и куда он потом делся, тоже осталось тайной. Ну и сынок его тут всю резвился. Тогда, в 1963-м году, он мало того, что срывал крестики у детей, он потом построил всю школу и демонстративно выбросил их в сортир. Вроде, где-то прочитал, что Владимир Ленин именно так поступил со своим крестом. Тогда его и отправили на учебу, ибо родители многих детей смотрели в его сторону очень нервно. И опять он отличился под самый новый, 1968-й, год. Как известно, в школах на Новый год устраивали праздничные вечера в спортивном зале. Вечера были с танцами в полутьме, с мерцающей елкой, все их ждали и любили, особенно старшеклассники. Такие вечера с установкой елки, и, конечно же, с призывами встретить Новый год с успехами в учебе и труде устраивались и курировались комсомолом. Так вот, наш секретарь в процессе установки в спортзале елки, в камерке у Николая Максимовича нашел тот самый кумач с лозунгом, посвященным юбилею спецслужб СССР. И все закрутилось. В КГБ вспомнили постулат Сталина о том, что с развитием социализма классовая борьба усиливается. Они искали в этом антисоветском деянии продолжение троцкистских настроений, за которые были расстреляны родители Николая Максимовича, а его самого сделали инвалидом. Но громкого дела не получилось. Хотели лишиться его той самой смешной пенсии, но это как-то очень хлопотно выходило. Но из школы выгнали с формулировкой «за отсутствие специального образования», а того, опять отличившегося, секретаря перевели в

горком комсомола, заведующим орготделом. С 1968-го года по нынешний, 1973-й, он стал первым секретарем горкома ВЛКСМ и членом горкома партии. И, по сути, вашим главным шефом являлся не председатель ДСО «Трудовик», а этот двадцатилетний секретарь, который к тому времени уже окончил Университет марксизма-ленинизма. Так вот, эта самая нечисть, видимо, что-то знала из истории Николая Максимовича, той, что была еще на Колыме. Ненавидел он его и, как мог, вредил, создавая вокруг него вакуум. Даже допотопный «Москвич», собранный на помойке, не дали узаконить и получить номера. Поэтому Николай Максимович ездил на нем очень редко и только ночью. А то, что разрешили тренировать на общественных началах, так только из расчета, чтобы был на виду. А потом что-нибудь можно было подвести, типа педофилии. Весной, когда вы с Сергеем выходили на ринг, этот секретарь запретил появляться кому-то из Дома «пионеров» на сцене Дворца культуры, потому на тебя и напялили майку ДСО «Трудовик» и эта буква «э» пришла именно от него.

Из того, как все рассказывал физрук, было понятно, что если он и был когда-то «нашенским», то не по-настоящему, и не только потому, что не ходит на собрания и в рейды в числе сознательных активистов-трудофилов, а просто он думает не «по-нашенски». И в его рассказе, вероятно, тоже была справедливость.

У моей калитки стояли три женщины, облокотившись на наш больной забор, своим напором они прогибали его еще больше. Мама ножницами срезала гладиолусы и георгины, она делала букеты, каждый из которых стоил рубль, точно так же, как та горбуша. Так вот, каждый год она рвала свой цветник к первому сентября. Мама очень любила цветы, но начало сентября было крайним сроком их срезать, ибо вот-вот могли прийти заморозки, а видеть, как они умирают на грядке от холода, было страшно. Но опять же, всегда был шанс, что приедет эта женщина с номенклатурным лицом и в капроновом шарфике на «газике» с брезентовым верхом в сопровождении милиционера. И они приедут, опять же, восстанавливать справедливость. Мои любимые голубые незабудки никто никогда не брал, они были мелкие и не монументальные. Я был рад этому, и когда на них падал первый снег, я его руками сгребал, и такой чистый цвет небес на белом покрывале можно было увидеть лишь раз в год. А иногда снег выпадал сразу сугробами, и до этого цвета добраться было невозможно, если еще и с метелью. А просто в холоде они могли стоять несколько часов, а потом чернели и покорно умирали, чтобы по весеннему теплу прорасти из семян и опять принести частицу небес к нашему домику. Сегодня мама заработала 20 рублей, ее грядки сильно поредели, уже по холоду она будет срезать последние

растения и ставить дома в банку с водой, стремясь продлить их цветочную жизнь. Ей каким-то образом это всегда удавалось. Как всегда, у нас с ней получалось сходить в лес, и оттуда принести пару ведер черники, рябины и брусники. В них был наш главный витаминный барьер от климата, даже ухитрялись собирать дикой малины с ужасно колючих кустов, наварить варенья и при его помощи выгонять простуду.

А первое сентября приходилось в этом году на субботу. С 1967-го года суббота была объявлена нерабочим днем, но нарядные дети шли в школу на построение, сказать речевки учителям и Родине, преподнести цветы. А потом их распускали до понедельника. В тот день моя утренняя пробежка и проходила в час исхода из барачных и частных домиков школьников. Старшеклассники просто шли начесанные и гордые своим статусом. Их сверстницы были в белых фартуках, бантах и кокетливых белых гольфиках до колен. И только младших мамы за собой тянули волоком, потому что те не успевали в шаг. Но почти все были с цветами и полны светлой радости. И эта радость была не только от красных галстуков и значков с великим Лениным, это была радость жизни, которая представлялась вечной и счастливой в огромной и справедливой стране. Но так случилось, что в этот самый день великая страна получила пинок под зад. И как-то по-другому объяснить это было просто невозможно.

1 сентября 1973-го года житель города Горловки Донецкой области Николай Саврасов совершил террористический акт, взорвав бомбу в Мавзолее Владимира Ленина. В результате взрыва погибло три человека, включая самого подрывника. Это было не первое покушение, только за шестидесятые годы было не менее пяти попыток уничтожить мумию. Следствию так и не удалось выяснить мотивы подрывника. А первого сентября, в день начала учебного года, школьников обычно водили толпами поклониться Ильичу. Воспользовавшись ситуацией, больной, видимо, под видом сопровождавшего учителя, не вызывая подозрений, пронес взрывное устройство. Исходя из этого преступления, на все места по стране были отправлены директивы завалить цветами постаменты памятников Ленину и провести летучие митинги с острой идеологической направленностью. И все бы ничего, но были причины, мешающие выполнить в точности резолюцию ЦК и Политбюро. То были два выходных дня, люди были не на заводах и промыслах, и где их найти и как согнать на это мероприятие – большой вопрос. Тут был один выход – опереться на активную и сознательную общественность. И второй вопрос – где найти столько цветов, чтобы фотографы сделали правильные снимки и разместили в печати. Здесь тоже можно было рассчитывать только на ту же самую патриотичную и сознательную часть общественности города – на энергичную работу активистов, дружинников,

служащих и милиции.

На очень позднем совещании в актовом зале исполкома было распределение обязанностей по предстоящему мероприятию. Все это было похоже на экстренную эвакуацию. Наглядную агитацию решили найти из старой. Пусть небольшую, но трибуну будут колотить в ночь. А идеологическим вождям города, опять же в ночь, нужно было речи подготовить, что тоже было непросто. Речи должны быть обвинительными, острыми и выдержанными в моменте. Неисполнение этого всего грозило серьезными кадровыми решениями. Вот такая сложилась ситуация 1-го сентября, в День знаний. Понятно, что без «нашенских» тут вообще никак не обойтись. Несколько позже я все же узнал, в каком направлении, под руководством первого секретаря ГК ВЛКСМ, они приняли самое действенное участие. Они на грузовике объезжали все школы города и изымали «за уважение» принесенные школьниками цветы, а к тем учителям, кто их уже домой унес, и в потемках заявлялись. Абдулла с милой улыбкой просил их передать цветы для срочных нужд. Помимо того, в официальной и строгой форме он заявлял о необходимости завтра к 12 часам прийти в центр города на митинг, то бишь исполнить свой гражданский долг. Бывало, дверь ему открывали мужики и тогда, конечно, задавали вопрос:

– А будет пиво разливное?

Эта вакханалия продолжалась всю ночь. Похоже, много набрали цветов «нашенские», ибо они были тренированные и проворные, но, кажется, все же не хватило, и в воскресенье, 2-го числа, возвращаясь с утренней пробежки, я в проулке у своей калитки увидел «буханку» цвета хаки. «Буханка» была версией «таблетки», так как у нее на двери была наклейка с красным крестом. Они, похоже, тоже были мобилизованы своими партийными организациями. Мама им рвала цветы и связывала веревками в букетики. Им было все равно, какие цветы, лишь бы побольше. Они не торговались и платили по таксе 1 рубль, даже не спрашивая ни фамилии, ни расписок. Так мы на городском митинге еще заработали в семейный бюджет 15 рублей. Проблема усугублялась тем, что наши территории были практически первыми по восходу солнца, и в Москву начнут первыми рапортовать и отчитываться по мероприятию. И должна быть отчетливо видна его идеологическая и нравственная направленность. От нашей искры должен вспыхнуть костер негодования и презрения загнивающему капитализму. И главное – лозунг: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», а Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить, и, возможно, это справедливо.

Сегодня раннее утро, воскресенье, 2-го сентября. В следующую субботу я уже буду должен выходить на ринг. Зная, что в эти дни я буду заниматься с Сергеем, как-то подуспокоился. Он меня все время похвалявал и подбадривал. Даже физрук пытался с нами отжиматься от пола, но ни разу количество подходов не одолел. Сегодня у меня пробежка была очень ранняя, договорились уже в 8 быть в зале. Где-то в половине восьмого я вышел из дома. В то же раннее время, как бывает в воскресенье, было совсем безлюдно. На мари встретил, похоже, тех же самых собак, которых пьяный кормил макаронами, но если в ту встречу от меня пахло копченой горбушей, то сейчас пахло лишь потом, и они быстро отстали. На базаре было тихо, лишь два бродяги сидели на деревянных ящиках из-под пива и грязными ручищами чистили где-то раздобытые куриные яйца, видимо, готовились закусывать. В это утро под ногами чуть похрустывали тоненькие льдинки. В ночь уже подкрался небольшой минус, а сейчас лишь чуть бодрило. Солнце уже ярко блестело на востоке, готовясь не сильно, но подогреть второй осенний денечек.

Зато на площади суета, она явно с ночи не кончалась, а у пьедестала вождя лежало всего лишь две красных гвоздички, верно какой-то расторопный пионер принес. Тут уже к финалу шла работа по устройству трибуны. По стандарту под все партийное руководство трибуну собрать бы, конечно, не успели. Эта была компактной, а так как ее сколотили из нестроганых досок, то сейчас, как гроб, обтягивали красной материей. Своей функциональностью эта трибуна слегка напоминала броневики на Финляндском вокзале, но, возможно, так и было задумано. На земле стояло и лежало большое количество инструментов духового оркестра, того самого, который заслуженных людей провожал в последний путь. Я точно знал, что Владимир Ленин любил Шопена, но на этих инструментах его не исполнить. Наверное, опять будет Свиридов «Время, вперед!» или даже наша победная «Славянка». Возложение цветов состоится, видимо, позже, а к цветам надо еще хоть немного народа. В кустах, сбоку от Ильича, стояла желтая бочка с надписью «пиво». Значит, организаторы митинга по городу все пивные точки закрыли. Это было единственное место, где могли утолить жажду страждущие после субботнего и первосентябрьского бала. Хороший маневр, наверняка, уже где-то опробованный.

Сергей стоял у спортзала и ковырялся в земле. Вахтерша никак не могла подобрать правильный ключ к дверям, а сам физрук, похоже, был задействован на мероприятии. Студентов техникума к началу учебного года уже расселили по общежитиям, и те, наверняка, отмечали свою встречу после каникул. Сергей сказал, что физруку поручили выгнать и мужское, и женское общежитие на митинг, что, думается, будет совсем не просто.

– Но, наверняка, ему в помощь пришлют кого-то из «вашенских», – и хотя он сказал это беззлобно, меня затронуло.

Тренировка прошла в хорошем темпе и с нагрузкой под макушку. Он опять меня хвалил, и, казалось, искренне. Было видно, что он хочет поселить во мне уверенность в себе. В самом конце тренировки пришел физрук, удивительно рано, еще и двенадцати не было, но он сказал, что свою часть работы выполнил, а там было, кому перепоручить. Я понял, что без «нашенских» в актах принуждения к политической активности обойтись не удалось. А физрук заехал за ведром, они с товарищем за поздними грибами собрались. У нас были такие. Мотоцикл с коляской стоял, подфыркивая, во дворе. Выезд по объездной дороге из нашего поселения проходил вдоль бугров, и физрук предложил меня довезти, при условии, что, сидя в люльке, я буду держать ведра. Я уселся, и мы двинулись. Сергей юморно махал нам вслед рукой. «Урал» урчал и пылил по грунтовке. Мы, минуя центральные улицы, в объезд выехали к моим буграм и выезду из города, а там оказался милицейский пост. Нас остановили. Физрук мне сказал:

– Гони домой, а то сейчас начнут допрашивать, почему не на митинге.

Я послушал его совет и двинулся по знакомой дороге к дому. У среднего барака на завалинке сидели три мужика и нещадно матерились. Один меня окликнул вопросом, не открыли ли уже двери в пивбар «Минутка»? Я ответил, что нет, так как все пиво сегодня на площади, и, наверняка, свежее. И вроде там вообще бесплатный банкет, это я, конечно, придумал, а мужики от этих слов затаились, видимо, пожалев, что не пошли туда. А я думаю, что «нашенские» до них не дошли, а то бы убедили пойти попить холодненького.

Дома я сразу пошел проведать курей и отобрал у них два теплых яйца. Крысы меня уже совсем не боялись, и при замахе в их сторону они только по-козлячьи поджимались. За лето они стали жирными и блестящими, и мне уже казалось, что я их отличаю по противным усатым рожам. Осталось только имена им дать. Воткнув вилку старенького радио в точку местного вещания, я услышал, что митинг был в своей высшей точке. Оркестр почему-то играл «Марсельезу», а что это гимн гнивающего капиталистического государства, исполнители вполне могли не знать. Музыку кто-то перекрикивал из ответственных секретарей. Слов было не разобрать, но смысл был более чем понятен. Наш бронепоезд стоит на запасном пути, но под эту музыку мне казалось, что кто-нибудь из выступающих

закричит, что мы брали не только Берлин, но и Париж, а это, наверное, справедливо.

3 сентября. Дети в школу – кто в первый класс, а кто и в последний. В это утро, как и вчера, я отбежался рано, собираясь на тренировку. Лицо Лагутина с картинки смотрит на меня совсем нейтрально, но, может, оно так и лучше. В эту ночь уже серьезней подморозило, но незабудки держались молодцом. Они-то мне и подмигивали голубыми глазенками с совершенно опустошенных грядок. В это утро уже хорошо хрустело под ногами, и вроде как на марь легла холодная поволока. Солнышко проявилось, но было в дымке холодного тумана. На площади у памятника вождю мирового пролетариата кипела работа: кругом виднелись солдатские спины, армия утилизировала остатки вчерашнего политического протеста. Разбирали трибуну, похожую на броневик с Финляндского вокзала, с него уже был наполовину содран кумач. Здоровые куски красной материи стелили у постамента и руками туда наваливали мятые и за ночь окоченевшие цветы. Они липли к холодному камню, и их рвали силой. Тут же была рядом тетя с большой шваброй, тряпка на которой парила. Она следом замывала постамент и делала припарку на то, что прилипло, будучи когда-то цветком, а сейчас ставшее просто биомассой. Все это валили на красные подстилки, вязали в узлы и закидывали в кузов голубого самосвала. Получался какой-то помидорный груз. А вы слышали когда-нибудь, как вытаскивают из толстой, мокрой доски здоровенные гвозди? Когда их тянут ломом-гвоздодером? Звук был похож не на визг, не на лязг и даже не на скрежет. Это был пердеж большой деревянной жопы. Это всегда так. Все, что выращено человеком, и все, что построено, завсегда можно сломать и сгноить. А из кабины самосвала на волне «Маяка» голос Кобзона учил не думать о секундах свысока, и это, наверное, справедливо.

Физрук стоял у дверей спортзала и погонял на выход студентов после их пары по физподготовке. Сергей тоже сейчас был на паре, но вот-вот должен был прийти. Сколько жизни и радости было в этих мальчишках и девчонках, а ведь они тоже были моими сверстниками, но все им виделось совсем на другом, не таком, как мне, фоне. Ищущие дороги к победам, которые ни для кого и никому не послужат. Так было у Чернышевского с главным героем главы «Третий сон Веры Павловны». Но, наверное, всегда так и будет, и «Что делать?» останется главным вопросом. Наверное, это справедливо. Пришел Сергей, как всегда открытый и доброжелательный. В течение тренировки он все сближался и сближался. Тот тренер из Москвы, оказывается, был не только его тренер, но еще и крестный отец, и отношения у них были соответствующие. Он рассказал ему по телефону про меня, и тот распорядился все поставить на физику, вот мы

сегодня и работали в постоянном клинче. Молодость, она умеет из себя выжимать.

Вчера я, вроде как, почувствовал в себе физику. Особенно когда картошку собирал в мешки, а потом высыпал в подвал. Так вот, мешок я рывком закидывал себе на спину, прибавляя в этой физике. А еще вчера я раскопал картошку на маленьком клинышке, на котором всегда было сыро, и мы там картошку выкапывали последней и, не просушивая ее, съедали первой. Так вот, на этом клинышке всегда было много земляных червей. Я их складывал в большую железную банку, засыпал землей и подвешивал к потолку, чтобы крысы не добрались. Там они и выживали до весны, если я не забывал пару раз за зиму плеснуть им полстакана воды. Я вообще мечтал вернуться с соревнований и уже по заледам добраться на речку и поудить ленка и мальму, уж очень я любил это дело, да и кушать их было немалое удовольствие. Опять же, с картошкой, намятой скалкой в кастрюле.

На обратном пути с тренировки, уже у самой мари, на узкоколейном вокзале у киоска сидели трое грустных «нашенских», это были фигуры не главные, но стремящиеся. Они ожидали киоскера и быстро поведали мне новости. Главная из них была такая, что в этом году, кроме двух бесплатных путевок от профсоюза, им за помощь в проведении митингов и мероприятий от партийных органов выделили еще две путевки из комсомольских фондов. Разворотливый комсомол быстро реагирует, странно, что народный контроль еще не поощрил. Думается, что рейды по торговым точкам прошли в соответствии с регламентом. По узкоколейке ездили дрезины, на подножках у них висели рабочие в очень грязных спецовках и огромных брезентовых рукавицах. Похоже, они начинали подготовку к приему последней баржи в эту навигацию. Посреди мари на тротуаре стояли опять те же бездомные собаки. Похоже, они где-то здесь и коротали свои собачьи будни, но видимо крепко дружили, ибо всегда были вместе. В этот раз, услышав мои шаги по деревянному настилу, убежали в кочку, спугнув при этом пару полосатых, как бурундуки, вальдшнепов, которые вот-вот начнут улетать в теплые края.

Вторник, 4 сентября, начался согласно вновь утвержденному плану. Мама еще спала, когда я закрыл за собой нашу хлипкую калитку. Пробежка сегодня начиналась в потемках, но было безветренно и почти не холодно. У барака, в маленькой загородке, бегал поросенок. Наверное, его забыли закрыть на ночь, а возможно, дали порезвиться. Увидев меня, он просунул свой пятак в щель забора, наверное пытался поздороваться, поглядывая в ту же щель черным

глазом с белыми пушистыми ресницами. В большинстве окон барака горел свет, и был он везде примерно одинаковых оттенков. В этом году поселенцам на продажу привезли абажуры, все одного янтарного цвета, из мягкой ткани с кистями бахромы. С весны они стояли целой пирамидой в углу нашего магазина и раскачивали бахромой в такт открывающимся входным дверям. Недорогой, но стильный предмет.

Внизу, на узкоколейке, свистела дрезина, собирая на платформу рабочих-путейщиков. Близился конец навигации, когда дополнительно взятые на себя социалистические обязательства заставляли работать днем и ночью. Я бежал. Под ногами не хрустело, а ночью, похоже, был плюс, что могло предвещать снег, а может и холодный дождь. После хорошего спокойного сна и пробежка была не в тягость. Сегодня я взял с собой резиновую скакалку и, остановившись у дома бывшего управления лагерей, взялся поскакать. Теперь это была больница, у дверей которой на незатейливой, низенькой скамеечке сидела мама с мальчиком лет пяти на руках. Она его нянькала и что-то шептала, видимо, ребенок ночь промучился с зубной болью, и они рано-рано пришли сюда за избавлением. Благо, прошло время, когда эти двери круглосуточно были открыты, и учреждение работало на полную катушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gorelov_valeriy/nedostayuschee-zveno

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)